Сестры Спринг

Автор:
Анна Тодд

Сестры Спринг

Анна Тодд

Знакомьтесь: эффектная Мэг, тихоня Бэт, бунтующая Джо и ветреная Эми – сестры Спринг, непредсказуемые, как природная стихия. Девочки живут на военной базе в Новом Орлеане, дружат, ссорятся, влюбляются, теряют голову. У них разные характеры, но общие мечты – прожить жизнь яркую и удивительную. Без ошибок это было бы невозможно. Но когда ты знаешь, что у тебя есть сестры, которые всегда поддержат, оступиться не так страшно.

Анна Тодд

Сестры Спринг

© Казанская М., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Отзывы читателей о цикле нашумевших романов Анны Тодд «После»

«Мистер Дарси и Лиззи Беннет нашего времени…»

– That’s Normal

«Тодд – величайший литературный феномен своего поколения».

– «Космополитен»

«Кристиан Грей, извини – подвинься. Балом правит Хардин Скотт».

– She Knows

«Подобное я испытывала, читая «Сумерки». Я забрасывала все дела и с головой уходила в книгу…»

– Once Upon a Twilight

Главное, к чему нужно быть готовым, – к тому, что ни к чему невозможно подготовиться».

– Vilma’s Book Blog

«После» – это вещь к обязательному прочтению, но только заранее подготовьтесь к тому, что вас захлестнет нереальный поток совершенно реальных эмоций».

– Fangirlish

«Драма, драма, драма… Эта книга затягивает с первых страниц».

– A bookish Escape

«Это просто срывает голову!»

– Biblio Belles

«Я так благодарна Анне Тодд за то, что дала почувствовать все хитросплетения чувств Хессы. Спасибо за 2587 страниц невероятных тревог и эмоциональных волнений. Но главное, спасибо за то, что подарили нам, читателям, возможность пройти путь любви вместе с Тессой и Хардином».

– YA Book Addict

Посвящается всем «маленьким женщинам», обитающим в мире, которые ищут свой путь и пытаются обрести в себе женщину; мы вместе, сестренки, держитесь!

Глава 1

Мередит

– Рождества без подарков не бывает, – провозгласила Джо.

Она у меня – сильная девочка, с длинными, непослушными каштановыми волосами и единственная из дочерей, которая не оставляла после себя в ванной свинарник. Перебирая тонкими пальчиками с облупившимся черным лаком растрепанную кромку афганского ковра, Джо сидела, скрестив ноги по-турецки, перед своей старшей сестрой Мэг. Когда-то этот ковер ручной работы, сплетенный из черных и красных нитей, был невообразимо красив. Помню, как

муж прислал его из Кандагара, где служил в ту пору на передовой. Мы тогда жили в Техасе.

В голове прозвучал скрипучий голос Дениз – председательницы Комитета поддержки семей военнослужащих, которая требовала выражаться исключительно военным языком: не «на передовой», а на «базе передового развертывания». Самой крупной в Афганистане, непременно заметила бы она. Дениз до всего было дело, вот и по поводу нашего ковра она не удержалась и заявила: мол, следовало его отправить на полковой адрес и не платить за доставку.

Моих девочек подобное ничуть не заботило. Они влюбились в ковер с первого взгляда, как и я сама. Когда я сорвала упаковку с прибывшей из другой части света посылки от мужа, который последние восемь месяцев служил за границей, девочки, особенно Джо, пришли в восторг. Подарок был и вправду хорош. Истинное сокровище, насыщенное культурой далекой страны. Мэг нравилось, что в нашем безыскусном жилище появилась роскошная вещь ручной работы. Из всех моих дочерей Мэг была самой большой материалисткой, но меня это не смущало. Я знала, что, если покажу ей верный путь, любовь ко всему блестящему и дорогому сделает ее жизнь достойной и наполнит волшебством. Крошка Эми в силу возраста еще не могла оценить подарок, а Бэт с самого начала знала о сюрпризе – папочка знал, кому можно доверить секрет. К тому же она находилась на домашнем обучении и могла принять посылку. Впоследствии муж сказал, что решил отправить подарок с доставкой на дом, чтобы мы получили сюрприз прямо на пороге, а не тащились бы за ним на базу. Вряд ли Дениз поняла бы это.

Сейчас наш ковер уже не столь красив. Его вытоптали, на нем валялись, он износился, потускнел, стал несвежим и бурым, и сколько бы я ни старалась его очистить, так и не обрел изначальных красок.

И все же мы нисколечко его не разлюбили.

– В Новом Орлеане обещают снег, вот это настоящее Рождество! – заявила Мэг, запустив ладонь в свои каштановые волосы. Волосы отросли ей по плечи, и она инструктировала Джо, как добиться эффекта «омбре» – светлые кончики и темные корни. В тот год стояла такая стужа, что дороги заледенели, то и дело возникали заторы, и почти каждый день на шоссе случалась авария. На табло при въезде в наш военный городок количество дней без ДТП неуклонно

стремилось к нулю, хотя раньше счет велся на недели. Рекордным количеством дней без смертельных происшествий на дороге за всю историю существования базы Форт-Худ было шестьдесят два.

В то утро не так морозило, как обещали на «Канале 45». Возникал вопрос: ждать ли в гости сестру или она под предлогом непогоды останется дома? У нее всегда находились предлоги. Муж Ханны служил вместе с моим, и о нем порой ходили разные слухи, наподобие того, что он как-то пошутил перед рядовыми по поводу веса жены, а в прошлом месяце затащил в койку медсестру.

– Тетя Ханна еще не звонила? – спросила я дочерей.

Из всех откликнулась только Бэт. Она подняла взгляд и помотала головой.

В Форт-Сайпрус мы переехали прошлым летом; с той поры Ханна успела два раза обручиться, один раз выйти замуж и в скором времени готовилась развестись. Я любила сестру, но не скажу, что сильно расстроилась, когда пару месяцев назад она переехала поближе к городу: нашла подработку в баре на Бурбон-стрит. Бар назывался «Спиритс», там подавали смешанные напитки в подсвеченных черепах и готовили традиционные луизианские сэндвичи. Из сестры получился отменный бармен.

– Она приедет? – спросила Джо, не поднимаясь с пола.

Я заглянула в ее глаза цвета молочного шоколада.

– Не знаю. Чуть позже ей позвоню.

Эми издала неопределенный звук, а я уставилась в пустой экран телевизора.

Я не любила обсуждать с дочерьми проблемы взрослых. Мне хотелось, чтобы они как можно дольше оставались юными и безмятежными, но при том трезво смотрели на мир. Говоря о последних событиях и войне, я пыталась им объяснить, каково в наше время быть женщиной, чего стоит бояться и за что благодарить судьбу. Они подрастали, и задача моя усложнялась. Приходилось объяснять им, что в каких-то вопросах мальчикам и мужчинам приходится гораздо легче, чем нам. Приходилось учить, как защищаться, если вдруг тот же

мальчишка или мужчина попытается их обидеть. Растить четырех дочерей в возрасте от двенадцати до девятнадцати – это, я вам скажу, тот еще труд. Моя заслуга – не то, что я справлялась с заботами жены военного, а то, что я воспитала четырех дочерей, надежных, ответственных и умелых маленьких женщин, которые выйдут в свободное плавание и покорят этот мир.

Я остро ощущала свою материнскую роль, и пусть я сама ничего великого не добьюсь, главное, чтобы дочери гордо шли по жизни и не скупились на доброту.

Мэг в семье была главной принцессой. Ее появление стало для нас божьим даром, она родилась после двух болезненных, душераздирающих неудач поздним вечером в День святого Валентина. Фрэнк в это время сидел за письменным столом в своей части и упорно боролся со сном. Каждый час он должен был устраивать обход вокруг бараков позади главного здания. («Дежурство по части», торжественно объявила бы Дениз.)

В ту ночь мне пришлось четыре раза звонить в его часть, пока, наконец, не ответили и не оповестили мужа. Когда он добрался до дома, схватки стали невыносимы. Мы сели в машину и помчались в больницу. Я уж думала, что рожу по дороге прямо в нашей «чероки-люмина» девяностого года. Не сводя глаз с болтающегося под зеркалом заднего вида мехового сувенира в форме игральной кости, я считала схватки и пыталась не слишком глубоко вдыхать остаточный запах «Мальборо», которые Фрэнк курил до того, как мы узнали о ребенке. Фрэнк держал меня за руку и рассказывал анекдоты. Я так сильно смеялась, что боялась обмочить роскошные меховые чехлы.

Анестезию делать было уже поздно, и когда Мэг огласила первым криком тесную больничную палату, я, стиснув зубы, терпела, чтобы тоже не разораться. И все же это была лишь одна ночь, всего мгновенье. Материнство глубоко изменило меня. Как будто внутри меня собрались и встали на место разрозненные кусочки, и я поняла, зачем живу.

Следующей в этот мир пришла Джо. До рождения она здорово меня помучила. Маленькая упрямица никак не хотела укладываться внутри как положено, и врач назначил кесарево.

С Бэт все прошло отлично. Полчаса потужилась – и готово. Так же легко, как родилась, она росла, спокойно и умиротворенно, и кормить ее грудью было

легче, чем других дочерей.

И, наконец, Эми, незапланированная малышка. Она очень нас удивила, когда стало ясно, что мне такое по-прежнему нравится, а вот моему животу – уже нет. После рождения Эми я попросила врача обезопасить нас от подобных «сюрпризов».

Эми была остра на язычок, как и та пища, по которой я сходила с ума, пока она росла у меня в животе. Я посмотрела на свою младшую, обвела взглядом ее сестер: все молчали, и я представила, как с нами сидит Фрэнк, в старом-престаром кресле с откидной спинкой, которое вывез из прежней квартиры. В моем воображении он слушал радио и тихонечко подпевал. Петь и танцевать он любил, хотя не умел ни того ни другого.

– Я прочла в сети объявление, что в Уайт-Рок снова урезали программу обучения музыке, – сказала Бэт, выдернув меня из приятного забытья.

– Кошмар! Что, правда? – спросила Мэг.

– Да. Все недовольны. У них и раньше было туго со средствами, а теперь и вовсе загнутся. Ни новых инструментов тебе, ни поездок.

Эми переводила взгляд с сестры на сестру, потихоньку вникая в их разговор.

– Ты шутишь, что ли? – Джо была вне себя. – Я сейчас же пойду к миссис Уитт. Устраивают тут всякую хренотень…

– Джозефин, выбирай выражения, – одернула я, не сводя взгляда с Эми. Джо постоянно бранилась, хотя и отрицала это. Ей почти исполнилось семнадцать – что же дальше-то будет?

– Прости, Мередит.

По какой-то непонятной причине с некоторых пор она стала называть меня по имени.

В другом конце комнаты зазвонил телефон. Эми вскочила, чтобы взять трубку.

– Какой номер определился? – спросила я.

Эми нагнулась и прищурилась.

– Из банка. «Форт-Сайпрусский национальный банк».

Сердце сжалось от недоброго предчувствия. Прямо на Рождество? У них и так непомерно высокие кредитные ставки и бессовестные маркетологи. Расставляют симпатичных девчонок в гарнизонной лавке и «Уолмарте», чтобы те заманивали молодых солдат милой улыбкой и призрачными обещаниями прямых перечислений армейского жалованья!

– Позвонят – перестанут, – отмахнулась я.

Эми кивнула и отключила звонок. Дождалась, когда перестанет мигать огонек соединения, и спросила:

– А кто из банка звонил?

Я включила телевизор.

– Что будем смотреть? – вмешалась в разговор Мэг. – Давайте… – Ее пальчики, с замысловатым маникюром, скользнули по стопке цифровых дисков на полу. – Как насчет «Звонка»?

Мысленно я поблагодарила Мэг за то, что она ловко отвлекла всех от неприятной темы. Мэг мгновенно чувствовала обстановку в комнате. Уловив общий настрой, она тут же придумывала или находила подходящую историю, чтобы отвлечь, очаровать или разоружить человека.

– Терпеть его не могу, – заныла Эми, устремив на меня жалобный взгляд.

Однажды Мэг нарядила Джо девочкой из «Звонка», как в том эпизоде, где она вылезает из колодца. Я тогда даже не рассмеялась. Ну, может, только чуть-чуть. Мне всегда становилось грустно, когда старшие девочки изводили младших.

– Правда? – спросила Джо зловещим голосом, видимо, решив напугать сестру, и потянулась к ней, чтобы пощекотать.

Эми отпрянула.

– Мама, пожалуйста, пусть мы не будем смотреть «Звонок»! Скажи Мэг! – захныкала она, схватив меня за брючину.

– А может, «Ключ от всех дверей»? – Бэт любила все фильмы, где снималась Кейт Хадсон, и то, что мы жили в окрестностях Нового Орлеана, где проходили съемки, лишь добавляло фильму леденящего очарования.

– Джо, а ты что хочешь смотреть? – спросила я.

Джо подошла к стойке с дисками и опустилась на пол, случайно придавив коленом большой палец на ноге Эми. Та взвизгнула.

– «Лихорадка» или… – И вытащила «Интервью с вампиром».

Должно быть, я крутая мать, раз сумела привить дочерям любовь к фильмам, на которых выросла сама. Я лет двадцать обожала «Интервью с вампиром». Вплоть до сегодняшнего дня Энн Райс – единственная писательница, чьи книги я перечитала все до одной.

Мэг тихонько проговорила:

– Этот фильм мне напоминает о Ривере…

При упоминании об этом парне мои внутренности встряхнуло, словно я крутанулась на чертовом колесе. По счастью, способность дочерей устраивать из всего драму помогла мне отвлечься от собственных передряг. Эми подобралась ближе, выхватила из руки Джо диск и зашвырнула его под елку. Джо возмущенно цыкнула на нее, а Мэг послала Эми воздушный поцелуй.

– Мне звонит Джон! – воскликнула Мэг и испарилась из комнаты еще до того, как ее мобильник исторгнул звонок.

– Ну тогда «Лихорадка», – постановила Джо, подхватив со столика пульт.

Пока Джо возилась с проигрывателем, Эми сбегала в туалет, а Бэт исчезла на кухне. В доме было тихо, лишь слышалось пиканье микроволновки и тихий гул, когда Бэт запустила ее в режим готовки. В доме редко стояла такая тишина. Когда приходил Фрэнк, звучали музыка и его смех, он все время что-нибудь напевал.

Я прикрыла глаза и вскоре услышала, как щелкают на кухне кукурузные зерна, и комната наполняется запахом несвежего масла.

Джо сидела перед телевизором, скрестив ноги и разглядывая свои полосатые, как карамельная трость, носки. Со стороны Джо могла показаться кому-то грустной – она опустила взгляд и надула губы, но я-то знала, что она просто ушла в свои мысли. С таким видом обдумывают серьезные вещи, и мне очень хотелось снять этот груз с детских плеч. Тишина начала угнетать.

– Как продвигается статья? – поинтересовалась я. С тех пор как Джо устроилась на работу, мы редко оказывались наедине. Судя по тому, сколько времени она проводила на работе, ей там нравилось.

– Вроде неплохо. – Джо потерла руками щеки и посмотрела на меня. – По-моему, очень неплохо. – Она ослепительно улыбнулась, поспешно прикрыв рукой рот. – Почти закончила. Мне подписаться настоящим именем?

– Как угодно. Можешь взять мою девичью фамилию. Когда дашь мне почитать?

Улыбка Джо померкла так же внезапно, как и появилась.

– Хотя нет, – добавила я с улыбкой, чтобы она не решила, будто я расстроилась. Я понимала, почему она не хочет, чтобы я читала ее статью. Конечно, это слегка задевало, но у нее на то имелись причины. – Или отправь ее папе, – предложила я.

Она задумалась на секундочку.

– Думаешь, у него есть время? Не хочу его отвлекать.

Иногда она рассуждала совсем по-взрослому.

В коридоре открылась дверь, из туалета вышла Эми. Она вернулась в гостиную, волоча за собой одеяло из спальни. Мои родители подарили это одеяло за несколько недель до рождения Эми, и оно уже порядком поизносилось; цветастые лоскуты, из которых оно было сшито, потускнели.

Белокурая Эми стремительно взрослела. Она обожала блеск для губ и мечтала поскорей догнать старших сестер, что вполне нормально для младшего ребенка в семье. Помню, моя сестра вела себя точно так же – ходила за мной по пятам и считала себя мне ровней. Эми перешла в седьмой класс – рискну предположить, самый сложный в школе. Мне самой седьмой класс не слишком запомнился, скорее всего, я прошла его без особых трудностей. Девятый класс – вот его я помню хорошо.

Джо любила подначивать Эми, советовала уже сейчас готовиться к старшим классам. Но Эми была в том особом возрасте, когда уверен, что все уже знаешь. Она выглядела младше своих лет, и вредные одноклассницы дразнили ее, что она слишком костлявая и у нее до сих пор не начались месячные. На прошлой неделе Эми спросила, когда я разрешу ей брить ноги. А у меня было неизменное правило, касавшееся всех дочерей: ноги брить не раньше чем начнутся месячные, и когда я сказала об этом Эми, она устроила в ванной настоящую истерику. Если честно, я и сама не знала, откуда взялось у меня это правило – может, от матери. Я поразмыслила, прикинула, какие трудности выпали на долю младшей дочурки, и в тот же день помогла ей побрить ноги.

Дом, в котором мы тогда жили, принадлежал государству, и Мэг в нем была не только старшей из дочерей, но и вторым командиром. Порой без труда удавалось притвориться, что дом – наш собственный, однако приходил какой-нибудь штраф за неподстриженную траву, и очарование пропадало. Однажды я выглянула из окна и увидела, как по нашей лужайке расхаживает человек. Наклонившись, он измерял высоту травы перед домом. Я вышла, и он торопливо попятился к грузовичку, вручив мне тем не менее квитанцию. Как видно, чиновникам жилищного фонда и заняться больше нечем, как только измерять траву у людей на газонах.

Я мечтала, что когда-нибудь (скорее всего, после выхода Фрэнка в отставку) у нас появится собственный дом. Я пока не решила, где мы поселимся, – может, в каком-нибудь захолустье Новой Англии. Правда, Фрэнк частенько предавался

мечтаниям о сонном пляжном городке, где все целыми днями ходят в сланцах. Конечно, все будет зависеть от того, куда судьба занесет наших девочек. Эми еще шесть лет не вылетит из гнезда, а Бэт… не знаю, захочет ли она вообще когда-нибудь нас покинуть. Меня это, в общем, устраивало.

Бэт притащила две миски попкорна. Я по-прежнему сидела в кресле Фрэнка, Эми устроилась возле Бэт. Мэг плюхнулась на другой край дивана, а Джо осталась на полу перед телевизором.

– Ну что, все готовы? – спросила Джо и, не дожидаясь ответа, нажала на кнопку.

Когда началось кино, я вернулась к мыслям о том, как стремительно повзрослели мои малышки. Не исключено, что нам в последний раз довелось отпраздновать Рождество в полном составе. В следующем году Мэг, скорее всего, будет с родителями Джона Брука, во Флориде, или куда они там ездили на отдых. У Мэг было несколько парней, не сказать, конечно, чтобы слишком много, и все же… В отличие от моей мамы, которая не обращала особого внимания на то, с кем я встречаюсь, я приглядывалась к молодым людям, которых дочери приводили в дом. В основном это касалось, конечно же, Мэг. Фрэнк на такие вещи реагировал куда болезненней, я-то не понаслышке знала, что чересчур строгий контроль только вредит.

В шестнадцать лет мы с Мэг выбрали надежную контрацепцию, за что я удостоилось весьма неловкой лекции от собственной матери.

И кто бы говорил? К двадцати одному году она сама была уже матерью двух малышек.

Вновь затрезвонил радиотелефон. Джо протянула руку и отключила его.

Потом зазвонил телефон Мэг. Заиграла популярная песенка, которую тут же подхватила Эми.

– Вот вам технологический прогресс, – не вставая с пола, прокомментировала Джо.

– Миссис Кинг, – со вздохом сообщила Мэг, поднимаясь с дивана.

Джо схватила пульт и поставила кино на паузу. Мэг ушла на кухню.

Эми перелезла туда, где сидела Мэг, хотя и знала, что когда та вернется, придется лезть назад.

– Мне пока еще рано работать, но когда я вырасту, то уж точно подыщу себе местечко получше, чем паршивая кофейня или магазин косметики, – заявила она.

– Не задирай нос, – буркнула Джо.

– Не задирай нос, – передразнила ее Эми голосом, который сильно напоминал голос Джо.

Будучи младшим ребенком в семье, Эми не упускала случая поддеть старших сестер, при возможности указывая на их недостатки. Я догадывалась, что ей тяжело жить под гнетом сестринского авторитета; впрочем, она уважала их и на них равнялась. Сестринская любовь – штука сложная. С одной стороны, Эми души в них не чаяла, а с другой – завидовала их достоинствам. У Мэг были широкие бедра, у Джо – уверенность в себе, у Бэт – способность из любых продуктов приготовить полноценный обед.

Когда Мэг вошла в гостиную, Джо вновь включила фильм.

– Она тебе еще не заплатила? – спросила Бэт, словно прочитав мои мысли.

Я ничего не имела против того, чтобы Мэг работала у миссис Кинг, хотя меня и отпугивал ее здоровенный особняк с крохотными породистыми собачками. Я ни разу не видела мистера Кинга, зато мне доводилось от случая к случаю встречаться с тремя их детьми. Мэг нешуточно увлекалась их сыном Шайей, и я вполне понимала почему. Парнем он был видным, с доброй душой и горячим сердцем. На мой взгляд, он мог бы стать достойной парой для Мэг. По крайней мере, я бы не возражала.

Мэг пожала плечами.

– Пока нет. Не знаю почему.

Джо закатила глаза и всплеснула руками.

– Ну а ты сама не поднимала этот вопрос? – спросила я.

– Поднимала. Просто она вся в делах.

– В каких же? Закатывает пышные вечеринки?

Мэг вздохнула.

– Нет. Просто сейчас праздники, и ей некогда.

– Не ожидала, что ты с этим смиришься. Я думала, ты у нас круче, – съязвила Джо.

– Я и так круче.

– Ага, круче. Но все же не такая крутая, как Джо. Джо у нас как мальчишка! – воскликнула Эми и расхохоталась.

Джо подскочила как ужаленная.

– Что ты сказала? А ну повтори!

У меня вырвался неодобрительный вздох.

– Эми! Я в своем доме такого не потерплю. Мои дочери могут одеваться так, как им нравится.

– Ты ведешь себя как мальчишка. – Эми поднялась с дивана, выскользнув из цепких рук Мэг, которая попыталась удержать ее на своих коленях. Я знала – если ситуация накалится, мне придется вмешаться, а пока пусть сами попробуют договориться. И Мэг должна сама разобраться с миссис Кинг, хотя наглость этой женщины, раз за разом забывавшей платить за честную работу, уже действовала мне на нервы.

– И что ты этим хочешь сказать? Еще не факт, что мальчишки круче девчонок! – громко заявила Джо, обозначив в воздухе воображаемые кавычки. – Крутизна не имеет никакого отношения к полу. И вообще…

– А вот и неправда! Ты сможешь поднять столько же, сколько мальчишка? – не унималась Эми.

– Не болтай ерунду. – Джо сжала зубы.

Мэг опустила руки на хрупкие плечики Эми, и ее расписанные цветами ногти утонули в складках небесно-голубой пижамы сестренки. Рассерженно фыркнув, упрямица все-таки прилегла, позволив старшей сестре поиграть с ее локонами.

Джо уперла руки в бока и ждала.

Где-то на заднем плане шел фильм.

– Давайте радоваться. У нас зимние каникулы. Вот сидели бы сейчас в классе, писали математику… – Бэт, моя радость, всегда знала, как уладить отношения. В этом смысле она напоминала мне Фрэнка. Если Джо пылала страстью к социальным и политическим вопросам, то Бэт прекрасно умела заботиться о других.

Бэт и Джо еще некоторое время сверлили друг друга глазами, пока Джо не уступила и не уселась на пол.

Вскоре Эми вновь завела излюбленную тему последних дней:

– Уж лучше бы я на математике сидела. И вообще, так не честно. Ты просто не понимаешь: все девчонки в школе вернутся после каникул с обновками. В новой одежде, с новыми телефонами, в новых туфлях. – Перечисляя, она загибала пальцы на руке, а потом выставила на всеобщее обозрение свой телефон. – А мы останемся без подарков под елкой.

Я почувствовала себя виноватой.

На этот раз Бэт заговорила первой:

– У нас денег больше, чем у большинства твоих девчонок. Посмотри, какой у нас дом и какой у них. Сравни машины. Ты вспомни, как мы жили до того, как папа стал офицером!

Непривычно было слышать столь резкий тон из ее уст, и до Эми, похоже, дошло. Ее взгляд пробежал по бежевой стене до пятидесятидюймового плоского экрана, купленного в гарнизонном магазине. По цене без налога.

– Вот и я о том же. А ведь у нас могло бы…

Тут в разговор вмешалась Джо. Перебив Эми, она напомнила, что у нас завелись кой-какие деньжата только тогда, когда Фрэнк уехал рисковать жизнью под иракскими пулями, и мы все должны это ценить.

Мне было неприятно, когда девочки углублялись в подобные темы. Вспомнилось, что в холодильнике стояла бутылочка «Бейлис». Интересно, она еще там?

– К тому же, – горячо продолжала Джо, – не забывай, что твои одноклассницы подворовывают в магазинах. Ты всерьез считаешь, что Тиаре Дэвис купили «шанелевские» очки от солнца? Думаешь, они ей по карману? Такое только офицеры могут себе позволить, а у вас офицерских детей в классе нет… не считая того мальчика из Германии, как там его зовут?..

Эми передернуло от этих слов. Она прорычала:

– Джофри Мартин. Урод.

Джо кивнула.

– Ага, точно. Так что не завидуй. Тут вечно у всех денег нет, если только это не первое и не пятнадцатое число.

– Не считая Кингов, – пробормотала Мэг.

Звучало в ее голосе какое-то недовольство – реакция на нечто куда более сложное, чем простой факт недоплаты. Мэг тосковала по красоте, по

изысканным, дорогим вещам, коими изобиловал дом Кингов. Ходили слухи, что в особняке даже унитазы сделаны из золота. Впрочем, они ей на глаза еще ни разу не попадались.

Мэг нравилась работа помощницы миссис Кинг. Не знаю, каково ей было на побегушках, моей принцессе, – но, покинув Sephora, об увольнении она даже не заикалась. В чем именно заключалась ее работа, мне было неизвестно; я знала только, что она делала миссис Кинг макияж и выгуливала ее модных собачонок. На прошлой неделе Мэг решила воспользоваться посудомоечной машиной, и миссис Кинг, увидев это, запретила ей прикасаться к грязной посуде. Не скажу, что мне это понравилось, но – Мэг девятнадцать, и она сама в состоянии решить, какую женскую работу делать, а какую – нет.

– Ну и пусть. Зато Кингов никто не любит, – заявила Эми.

– Ничего подобного! – вскинулась Мэг.

– Ну ладно, тебе они нравятся. И что с того? Все равно что заявить, будто все любят таких, как Эми, – подхлестнула сестренку Джо.

Эми взвилась:

– Джо вечно ко мне придирается!

Мэг ласково уложила ее снова себе на колени.

– Эми, это был комплимент… Ну ничего, Джон Брук тоже станет офицером. Вот только закончит учебу в Уэст-Пойнте[1 - Военная академия Сухопутных войск. Расположена в одноименном городе к северу от Нью-Йорка.].

Слова Мэг заставили меня закатить глаза, и я на миг почувствовала себя подростком.

– Не стоит западать на чины, это пахнет снобизмом.

Мэг умолчала о том, что в обмен на очки от «Шанель» и личный бассейн на заднем дворе, как у миссис Кинг, она не прочь побыть снобом. Она сама так

выразилась на прошлой неделе – я случайно подслушала и цитировала слово в слово.

– Вот именно, Мэг, – поддакнула Эми.

– Замолчи!

– Мередит, ты хоть знаешь, сколько у них деньжищ? – спросила Мэг.

Помнится, до меня доходили слухи, что мистер Кинг помогал большим корпорациям уходить от судебного преследования. Так что горячих симпатий я к ним не питала – в отличие от старшей дочери. Старшая оказалась моей полной противоположностью. Я терпеть не могу людей, считающих, будто они стоят выше других, таких довольно часто встречаешь в военных сообществах. Пока Фрэнка не повысили в звании, мне было уютно в кругу солдатских жен: каждая скучала по мужу, переживала из-за войны и на всем экономила. Кое-кто из жен устраивался на работу, и я ими неимоверно восхищалась. У меня появилось несколько подруг: молодая жена, беременная первым ребенком, и одна ровесница, которая недавно переехала к нам из Форт-Брэгга[2 - Находится в штате Северная Каролина; военная база, штаб и место расположения учебного центра войск специального назначения. Форт основан в 1918 г. и назван в честь генерала Б. Брэгга.].

После того как Фрэнка повысили, меня стали чураться жены тех, кто был ниже по званию, а с офицерскими женами у меня не сложилось: я для них была «мелковата». Да и не хотелось мне возлагать на себя лишнюю социальную ответственность, своих забот хватало: растить четверых детей и морально поддерживать мужа, пока тот в отъезде.

Дениз Ханчберг, председательница Комитета поддержки семей военнослужащих, поначалу вела себя довольно любезно, однако власть, постепенно приходившая в ее руки, мало-помалу, крупица за крупицей пьянила ее, и со временем она превратилась в заносчивую стерву. Невыносимо было смотреть, как она докапывается до молоденьких солдатских жен, а когда она отчитывала меня за пустячные прегрешения или злословила за спиной, я мысленно слюнявила два пальца и стирала с ее самодовольного лица гаденькие нарисованные брови.

Временами, когда Дениз особенно задавалась – вела себя так, словно на нее возложена миссия вести за собой весь свободный мир, – меня так и подмывало рассказать ей о том, что ее муж переспал с гарнизонной медичкой, причем дважды, во время прошлой передислокации батальона. И когда Дениз осуждающе поводила у меня перед носом мизинцем из-за того, что я забыла принести хот-доги на благотворительную ярмарку – черт меня дернул туда притащиться, – я едва не поведала ей эту историю, но подумала, что нехорошо разрушать чужую семью. Да и мужу нередко достается за болтливость жены, вот почему жены военных должны вести себя здраво и, можно даже сказать, величественно.

То, что позволительно жене рядового, непозволительно офицерской жене, и я не стала порочить имя Фрэнка. Нередко мне казалось, что Форт-Сайпрус – что-то вроде контейнера с живой рыбой. Всем тесно, жратвы не хватает и некуда деться – разве что вовсе выпрыгнуть из мутной воды.

Нельзя было забывать и о репутации дочерей – насколько это возможно для четырех девочек-подростков. Молва летит быстро, особенно в военных городках, а беспокойный нрав моих дочерей давал богатую почву для сплетен.

Пока я сидела, погруженная в мысли о Дениз, разговор в комнате принял новый оборот. Я очнулась от задумчивости, услышав слова Эми:

– У папочки работа безопаснее, чем у других. Ему даже пистолет носить не приходится.

Никто ее не стал разубеждать.

Когда-то давным-давно, когда она была совсем маленькой, я сказала ей ложь во спасение. Как бы вы поступили, если бы семилетняя дочь вас спросила: «А папочка умрет?»

С Джо тоже приходилось считаться. Каждый раз, когда отец выкладывал в фейсбук фотки с оружием наперевес, Джо старалась не обращать на это внимания. Она была ярой противницей оружия и без стеснения об этом высказывалась. Она ни за что на свете не прикоснулась бы к пистолету. Как и я.

– Я бы не сказала, что база в самом центре Мосула – безопасное место, – угрюмо бросила Джо, даже не пытаясь скрывать мрачный тон. Дочурка давным-давно забила на притворство.

Хотя Эми не была посвящена в подробности, дочери знали, где находится их отец и насколько опасно в Ираке. Они понимали: там умирают и свои, и чужие. Недавно погиб отец Хелены Райс. Уехал за два дня до начала занятий в школе (она как раз пошла в выпускной класс) и не дожил до Рождества. Теперь Хелена с мамой уезжают обратно – туда, где жили, пока Вооруженные силы не перевели их на новое место. Им дали девяносто дней, чтобы освободить жилплощадь.

– Он на самой безопасной базе, – сообщила Эми.

Очередная ложь, которую я ей преподнесла.

– Нет, – встряла Джо, однако я ее одернула.

В такие моменты мне всегда было жаль, что рядом нет Фрэнка и никто не поможет мне рассказать девчонкам о превратностях жизни.

– Ладно, Джо, перестань, – встряла Бэт. – Давайте просто посмотрим фильм.

Вдруг навалилась усталость. В последнее время я вообще чувствовала себя очень усталой. Потянуло встать и заглянуть в холодильник.

– Ну извини, что я мешаю тебе смотреть фильм разговорами про отца, – огрызнулась Джо, скрестив руки на груди.

Будь эта реплика обращена ко мне, или Эми, или Мэг, ей бы влетело по полной. На нее бы наорали, прочли бы лекцию, а Эми могла бы и стукнуть. Однако Бэт не проронила ни слова. Прошло несколько секунд, и Джо вновь прибавила звук. Мало-помалу плечи у нее расслабились, напряжение спало, я успокоилась.

Нам не хватало Фрэнка, вот и все.

У каждой из нас имелась своя фаза, когда он был нам особенно нужен. Мэг острее всего недоставало отца, когда ее парень пустил по рукам фотографии, не

предназначенные для чужих глаз. Джо нуждалась в отце, когда ее сделали самым юным главным редактором школьной газеты, и потом, когда ее этого титула лишили. Бэт скучала по отцу, когда, исполняя произведение, не попадала в нужную ноту. Эми – когда ей хотелось, чтобы он пел для нее любимые диснеевские песни. Ну а их матери сильнее всего не хватало мужа, когда на плечи наваливалась суровая повседневность.

У каждой был свой повод скучать по нашему лейтенанту, и мы с нетерпением ждали его возвращения в следующем месяце. Хотя после года томительного ожидания две недели побывки пролетят, как нечего делать.

И эти две недели Фрэнк вовсю пытался наверстать упущенное. В прошлом году мы прокатились на машине от Луизианы до Флориды и провели неделю в «Дисней-Уорлде». Потом, когда в небо взлетали фейерверки, я физически чувствовала его дискомфорт, нарастающий с каждым залпом. Фрэнк ушел задолго до того, как закончился салют, и мне не забыть, как вздрагивали его плечи каждый раз, когда темное небо озарял огненный цветок. Джо смотрела салют с сияющими глазами, Эми улыбалась до самых ушей. От грохота у меня кровь стучала в ушах, и я волновалась за мужа. Когда Фрэнк исчез в шумной толпе, я бросилась следом. Мэг, судя по всему, оставила Джо за старшую и побежала за каким-то мальчишкой, которого встретила в очереди на прогулку по Замку Золушки. Джо с улыбкой склонилась к уху сестры. Я не расслышала, что она ей сказала, и не уверена, что мне хотелось бы знать.

На кухне пикнула духовка, Бэт подскочила. Остальные если и слышали, то не подали вида. Бэт много времени проводила на кухне – у меня в последнее время не было настроения готовить. Кроме того, она – единственная из дочерей, кто замечал скопившееся в стирку белье.

– Ну мы что, смотрим фильм или как? А ну, все замолчали и прекратили носиться! – воскликнула Эми.

Каждый год в канун Рождества я усаживала своих девчонок смотреть фильмы ужасов. Это стало семейной традицией с тех самых пор, как мы с Фрэнком провели наше первое Рождество наедине. Мы остановились тогда в Лас-Вегасе, и я тосковала по дому. Хэллоуин был неразрывно связан с моим детством. Мама изо всех сил старалась устроить нам праздник, и я переняла у нее эту любовь. Мне хотелось найти хоть какое-то напоминание о доме, чтобы скрасить тоску, и я случайно наткнулась на ночной марафон фильмов про монстров. С тех пор это

вошло в привычку, к которой я пристрастила и своих дочерей.

Мои дочки буквально подсели на Хэллоуин и всякую жуть, а с тех пор, как мы переехали в Новый Орлеан, Бэт и Эми стали все больше увлекаться байками про вуду и легендами, связанными с «городом большого кайфа»[3 - Так прозвали Новый Орлеан за любовь к развлечениям и бесконечным праздникам.]. Я гордилась тем, что в Хэллоуин у нас был самый жуткий дом в квартале, где бы мы ни обитали. Я вспоминала свое детство и рассказывала девочкам истории о привидениях и о том, где их видели в моем родном городе на Среднем Западе. Так что мне повезло, что в тот канун Рождества я наткнулась на марафон ужасов, а не на какую-нибудь передачу, скажем, об унылом сельском запустении и алкоголизме.

Джо ткнула пальцем в экран:

– Обожаю это место.

Год из года она выбирала одно и то же. Непременно про вирусы и про зомби. В прошлом году мы смотрели «28 дней спустя».

– Я тоже, – согласилась Эми.

Я перехватила улыбку Джо, и у меня отлегло от сердца.

В дом вернулись спокойствие и тишина, изредка прерываемая воплями из телевизора.

Глава 2

Джо

Как обычно, в рождественское утро я проснулась первой. Я всегда просыпалась до восхода и спускалась на первый этаж, чтобы взглянуть на еще не распакованные подарки от Санты. Потом я будила Бэт, следом – Мэг. Эми

просыпалась сама, потому что жила с Бэт в одной комнате.

В тот год вышло по-другому. Мне совсем не хотелось бежать в гостиную и проверять подарки. Хорошо хоть, в тот год мы развесили носки для подарков. Я всегда их обожала – родители набивали носки всякой праздничной мелочью, конфетами в основном. Такие огромные носки. Я вываливала на пол целую кучу добра и оберегала его от сестер, хотя у них были свои подарки. Эми вела себя ужасно, мы подлавливали ее на том, что она тайком подкладывала нам ненужное и забирала у нас то, что ей нравилось.

У каждой был свой носок из грубой пряжи с вышитым поверху именем. Мамина мама собственноручно их вязала, когда мы появлялись на свет. Мой получился самым страшным. Санта на нем выглядел точно пьяный маньяк с перекошенным животом, темно-серой бородой, серыми зубами и зловещей улыбкой. С годами этот шедевр обтрепался и растянулся, словно злодей Санта сгноил вокруг себя полотно. Смотреть на него было ужасно смешно.

Мэг сетовала, что куда более симпатичные носки для подарков продают в «Таргете». Но так уж вышло, что от бабули мы унаследовали не шкатулку с изысканными драгоценностями дальней родственницы королевских кровей, а старые носки. Со своей матерью Мередит не разговаривала уже года два, а если они и общались, то каждая перетягивала меня на свою сторону, в то время как лишь одна из них обеспечивала мой желудок едой. Как бы сильно я ни любила бабулю, поддерживать мне хотелось Мередит.

В этом году Мередит не поленилась и снова вывесила для нас носки (сразу же после Дня благодарения!). В отличие от сестер, я не сильно расстраивалась из-за отсутствия подарков на Рождество. Даже Бэт, которая не была помешана на одежде – как наша Мэг, на книгах – как я, и на собственной персоне – как малышка Эми, всегда радовалась подаркам. Если бы Рождество обрело воплощение в человеке, им бы стала Бэт. Бэт – это свежая выпечка, ласковый смех и подарки.

Мне бы наверняка выпала роль Хэллоуина, подумала я, вынимая из верхнего ящика комода тонкие книжицы, припасенные для сестер. Я выложила за них половину зарплаты. Я подрабатывала баристой в книжной кофейне – хорошо иметь собственные деньги. Наверняка из всех только Бэт прочтет книжку стихов (и будет страшно гордиться, что я потратила личные сбережения, чтобы купить всем подарки). Оставалось надеяться, что Эми и Мэг хотя бы их полистают. В

любом случае я дала заработать автору несколько лишних баксов.

Я грезила о том дне, когда начну писать книги, которые люди будут читать по-настоящему. Даже если купят всего четыре книжки, мне и того будет достаточно. Даже если найдется один-единственный человек, у которого что-то откликнется в душе и который просто прочтет мою книгу до конца – я буду счастлива! Бэт мне частенько твердила, что я к себе очень требовательна, слишком зациклена на будущем и чересчур обидчива. Нет, не права она. А что делать, если прошлое с настоящим – сплошной отстой, если люди не учатся на ошибках? Ничего другого и не остается, как только мечтать о будущем.

Лишь одна Бэт прочитала все статьи, которые мне удалось впихнуть в школьную газету, и постоянно твердила, что у меня талант. Она хвалила мои глупые рассказы о школьных дискотеках и диспутах, вот только мне не терпелось писать о жизни за пределами школы Уайт-Рок. Я не хотела строчить отчеты о том, как Шелли Ханчберг завоевала корону, сделанную из дешевого пластика и обклеенную фальшивыми бриллиантами, которые отражали блеск несбыточных надежд.

Я мечтала поведать миру о том безумии, что творится в моей стране, мечтала заявить о чем-то важном, а не подпитывать самолюбие Матео Хендера, вывесив целую страницу его фотографий на футбольном поле, с толстыми накладками на раскормленном теле. Я устала размещать сводки Службы подготовки офицеров резерва – но поскольку школа Уайт-Рок на девяносто процентов была заполнена детьми военных, прекратить это было совершенно немыслимо.

Мне хотелось рассказать людям о том, что может случиться через пару лет, когда Шелли, вероятно, забеременеет от Матео, а он уйдет в армию или устроится в какой-нибудь фастфуд подавать через окно гамбургеры. Мне хотелось написать о том, сколько солдат вернулось на прошлой неделе домой – и сколько не вернулось. В нашей школьной газете никогда не появится статья об очереди в двадцать машин к окошку в «Старбаксе», которую мы с Мэг видели на прошлой неделе. Вместо этого у меня вышла простая и милая история, в самый раз для газеты. Мистер Гикл – глупец.

– Нашим читателям еще рано такое читать, – сказал мистер Гикл, помахивая сморщенным пальцем, когда я принесла ему статью о протестных настроениях по всей стране.

– Нет, мистер Гикл, в самый раз. Они же подростки, как я. – Я отчаянно взмахнула рукой, призывая его взглянуть на меня, однако мистер Гикл не имел ни малейшего представления, каково быть подростком в двухтысячных.

– Чересчур пристрастно и слишком неоднозначно, – пробормотал он, вяло указав на дверь.

Впрочем, отступать я не собиралась, о чем он и сам догадывался – за два года успел меня хорошенько узнать.

– Все равно это правда. – Я взяла распечатанный лист и направилась следом за ним к выходу, обогнув стол.

Просторная столешница из ненастоящего дерева была вся исчеркана ручкой и исписана инициалами учеников. После того как в директорском кабинете сменили уже два стола, на это махнули рукой. В нашей школе считалось неимоверно круто оставить инициалы на учительском столе. Я всегда считала, что это глупо и не по-взрослому, вплоть до того самого момента. Теперь, стоя у стола и глядя, как мое лучшее творение отправляют в корзину только из-за того, что мистер Гикл невысокого мнения об умственных способностях большей части учеников, каракули на столешнице перестали казаться мне баловством. Это бунт! Мне захотелось потянуться через изрисованный стол и выхватить у мистера Гикла из кармана ручку с монограммой, чтобы врезать свою фамилию в фальшивую деревянную столешницу. Я поклялась себе, что однажды вернусь и нацарапаю свое имя, чтобы он всегда помнил, как сильно ошибается.

А мистер Гикл тем временем твердил мне одно и то же: нет, нет и нет. Никогда моим сверстникам не прочесть реальных историй. По крайней мере, здесь, в крохотной средней школе в самом сердце Луизианы. По счастью, существовал интернет, дающий хоть какое-то представление о том, что происходит за пределами нашего военного городка. И хотя я не сдалась окончательно, пришлось смириться с тем фактом, что мои статьи никогда не попадут на первую полосу. Это место застолбили Матео и Шелли.

В кармане моих спортивных брюк зажужжал телефон, и я, наспех сунув четыре черные книжечки в передний карман худи, заглушила будильник.

Мне еще предстояло позвонить на работу и сообщить, что беру все свободные смены, какие у них образовались на время зимних каникул. В отличие от других, мне не нужны выходные. Мне нравилось проводить праздники в «Пейджес». Не работа, а мечта писателя. Кафе в духе постмодерна: черный металл, деревянные столики, на стенах – фрески работы местных авторов, баночки для чаевых, украшенные символами популярной культуры… В тот день, когда я пришла устраиваться туда на работу, на стойке стояли две баночки: одна с надписью «Волдеморт», другая – «Дамблдор». Я кинула доллар в «Волдеморт», потому что она пустовала, а во мне в тот день взыграл необычайно мятежный дух. Выпила кофе и с улыбкой поблагодарила энергичную девчонку за стойкой – видимо, та с утра уже подзарядилась парой эспрессо.

Благодаря энергичной Хейтон и моему начальнику, который поощрял творческие наклонности и охотно читал мои опусы, я очень любила свою работу.

Я скинула эсэмэску начальнику и тут же опомнилась – в такой ранний час, да еще в праздник!.. Хотя ладно, он и сам так поступал, и не раз. Взяла книги в охапку и тихонько подошла к двуспальной кровати Мэг у дальней стены. Она крепко спала, тихо похрапывая (сестра упорно не желала поверить в то, что храпит) и подтянув колени к груди. Во сне она пошевелила руками, и ночнушка соскользнула с плеча, обнажив грудь. Видимо, Мэг досталось все самое лучшее: грудь и бедра от Мередит, улыбка – от отца. Помню, классе в седьмом я с досадой смотрела на себя в зеркало, жалея о том, что я такая нескладная на фоне возмутительно заметных округлостей старшей сестры. Я уже не так сильно страдала по поводу маленькой груди, да только ведь грудь – не единственное, чем могла похвастаться Мэг. У нее в активе были кружевные трусики в верхнем ящике комода и секс с Ривером Баркли.

А самое главное – у нее был красный «приус». Мне страстно хотелось водить машину. Я только что получила права и знала, что Мэг считает дни, когда я смогу наравне с ней развозить всю семью по делам. Больше всего ей не нравилось отвозить тетю Ханну во Французский квартал и Эми в группу девочек-скаутов. Мэг почему-то казалось, что ее время более ценное, чем мое. Может, она и права. Она уже год как окончила школу и была на шаг ближе к тому, чтобы зажить настоящей взрослой жизнью.

Мэг снова пошевелилась – может, ей снились кошмары? Как будто в Sephora закончились тени для глаз или Шайа Кинг внес ее в черный список в твиттере. Помню, ее как-то заблокировала подружка из Техаса, для Мэг это стало

настоящей катастрофой! Правда, она ни за что не призналась, что именно произошло и почему от нее отвернулись подруги, единодушно встав на сторону Ривера. А еще она не рассказала, давно ли и по какой причине Шайа Кинг стал ей невыносим.

Мэг обожала подсматривать за его жизнью через интернет, виртуально следуя за ним из Камбоджи в Мексику, подолгу рассматривая (но не «лайкая») фотки. Она без конца повторяла, какой он ужасный и мерзкий тип, и в это было очень сложно поверить, глядя на его фотографии из деревушек по всему миру. На одной Шайа читал книжку какой-то маленькой девочке из Уганды. Она обхватила его худые плечи, и у них был почти одинаковый цвет кожи.

Мэг ненавидела Шайю, а я им восхищалась. Хорош собой, популярен, сынок богача, бросил колледж, чтобы колесить по свету и расходовать свой трастовый фонд на помощь людям. Помню, как-то раз Мэг спросила Мередит, не плохо ли, что Шайа – черный, и Мередит, наверное, с час объясняла нам, что мы можем встречаться с тем, с кем нам вздумается: с мальчиками и девочками, с черными, азиатами и любой другой расовой принадлежности. Больше Мэг таких вопросов не задавала. Впрочем, у нее не было устоявшегося типажа, и очередной парень, которого она приводила в дом, не походил на предыдущего.

Я осторожно приподняла угол ее подушки и сунула книжку стихов под голову. Мэг даже не шелохнулась, только всхрапнула, что нисколько не испортило ее красоты. С внешним видом ей здорово повезло: мягкие бедра, пышная грудь – вот я и завидовала поначалу. Чем старше я становилась, тем меньше комплексовала по поводу сисек и всего прочего. Мэг гордилась своей фигурой, хотя и у нее находился повод для жалоб – приходилось надевать крепкий лифчик, чтобы носить всю эту тяжесть.

Когда у Бэт стала наливаться грудь, Мэг предупредила, что теперь к ней начнут приставать парни, и хорошо, что Джо это не грозит. Мередит сказала, что это не так, приставать могут к любой девушке. Я тогда не поняла, кто из них прав, а кто – нет, да и выяснять не хотелось.

Мэг умело пользовалась своим внешним видом и частенько давала советы Бэт, как обращаться с мальчишками. Бэт краснела и отнекивалась, не особенно прислушиваясь к наставлениям. А ведь Мэг знала, о чем говорит. Это особенно актуально в городке, населенном солдатами. Мэг обожала военных. Говорила, ей очень нравятся мужчины в форме. Как, например, ее нынешний ухажер, Джон…

– Кто здесь? – Мэг подскочила в кровати, перепугав меня своим криком. Она села, растерянно озираясь. Прядь темных волос прилипла к губам. – Джо? Ты что тут делаешь? Я так испугалась…

Я прикрыла рот книгами, подавив смешок.

– Изображаю Санту.

Мэг пошарила под подушкой, с живым интересом вытащила из-под подушки книгу, я помню ее лицо в тот момент. Она с любопытством рассмотрела мой подарок и, хотя это была не косметика, радостно на меня взглянула, даже легонько взвизгнула, прижав книгу к груди.

– Спасибо. Не палетка NAKED, конечно, но внимание всегда приятно.

Мне понравилась мысль, что я способна что-то сделать ради сестер. Мы привыкли, что обо всех заботится Бэт, порой забывая о себе, однако в том году все вышло иначе.

И мне подумалось тогда, что праздник пройдет вполне удачно.

– Ну вот, и я сделала что-то хорошее.

Мэг закатила глаза.

– Лучше бы права получила! Мне не пришлось бы в одиночку шоферить у Эми и Бэт. Вот это был бы подарок века.

– Бэт никуда не ездит.

– Ты меня поняла.

– Не очень.

На стене висел постер с любимым актером Мэг. Она следила за ним в твиттере и лелеяла мечту о встрече, когда в тот год он приехал в Новый Орлеан. За неделю

до мероприятия парень объявил о помолвке, и Мэг сразу сдала карту участника «мит-энд-грит».

– Просто напомни Мередит, чтобы свозила тебя за правами. Ты могла бы ездить уже семь месяцев, дурочка.

– Остынь! Еще только семь утра. На этой неделе я трижды ее просила. Она занята.

Мэг прищурилась.

– И чем, интересно знать?

Я пожала плечами и шагнула к двери. У меня не имелось подходящего ответа, и остались три недоставленные книги.

– У Мередит дел больше, чем у тебя, принцесса, – напомнила я.

Мэг показала мне средний палец.

– Ты все-таки почитай, правда. Хотя бы на этот раз.

На выходе я обернулась, чтобы взглянуть на нее: Мэг наугад раскрыла книжку. Надеюсь, эти строки проймут ее так же, как проняли меня. В последнее время мне отчего-то хотелось сблизиться с Мэг, хотелось скорей подрасти. Хотелось, чтобы все мои сестры узнали себя в словах автора. И особенно Мэг. Эта книга обращена как раз к ней, в большей степени, чем к кому-либо из нас, это совершенно точно. От некоторых стихов мне захотелось страстно кого-нибудь полюбить, и чтобы любимый разбил мне сердце, как в книге.

Потом я пошла в комнату Бэт и Эми по другую сторону гостиной. В доме было темно, дверь скрипнула. Эми вчера поссорилась с Тори, своей подружкой, и повесила на двери табличку «Вход только девочкам Спринг». У Эми вообще не задерживались подруги; впрочем, когда рядом три сестры, которые тебя безоговорочно любят, наличие подруг не имеет никакого значения. Нам поневоле приходилось мириться с ее командирскими замашками, а Тори не смогла. Как не смогли до нее Сара, Пенелопа и Джулия…

Половина комнаты Эми была завалена барахлом – бардак похлеще, чем у нас с Мэг вместе взятых. Бэт соблюдала на своей территории идеальный порядок, и ее доводила до белого каления расхлябанность Эми. Раз в неделю она прибиралась на ее половине. Эми пережидала это время за дверью.

Постель Эми пустовала. Я перевела взгляд на постель Бэт в уверенности, что та приютила сестренку в своей чуть более просторной кровати, но и там, увы, Эми не оказалось.

Я погладила мягкую черную обложку книги, проведя пальцами по изображению пчелы. Даже обложка у этой книги была совершенна, как и ее содержимое, все, до последнего стихотворения.

Когда я приподняла подушку Бэт, она проснулась.

– Что случилось?

Я покачала головой и приложила палец к губам.

– Все в порядке. Спи дальше, прости.

Закончив разносить подарки, я спустилась по лестнице в кухню. К моей радости, все четыре рождественских носка были наполнены конфетами, и, что удивительно, на разделочном столике обнаружились три подарка. Они стояли рядком возле пустой корзины для фруктов, которую мама купила для украшения, но не наполняла ее муляжами, потому что это, на ее взгляд, нелепо.

Подарки лежали упакованные, ведь предполагалось, что они от Санты. Никто из нас давно не верил в Санта-Клауса, однако Мередит не сдавалась. Ей хотелось, чтобы мы оставались наивными детьми как можно дольше, что нелегко в нашем мире, наполненном ненавистью, войной и несправедливостью. Впрочем, должна признать, что сердце мое и впрямь чуть-чуть всколыхнулось, когда взгляд упал на последний подарок в ряду: книгу.

На обложке фиолетовыми буквами было выведено «Под стеклянным колпаком». Я как-то вскользь упоминала, что хочу почитать автобиографическую повесть одной из моих самых любимых писательниц, Сильвии Плат, – единственное, что

я у нее еще не прочла. Мередит не одобряла моей одержимости этой женщиной, чье имя несло в себе столь мрачное предзнаменование, но я увлекалась ею с тех пор, как наткнулась на пост в тамблере, еще до того, как отец заставил меня удалить свой профиль. Я прижала книгу к груди. В этом году Мередит превзошла себя.

Пока отец был на Ближнем Востоке, в четвертый раз за последние восемь лет, мать старалась изо всех сил. Когда у тебя на шее четыре подрастающих дочери, очень трудно справляться в одиночку. Я взяла в руки книгу и нежно коснулась женского силуэта на обложке. У меня захватило дух. Столь сильные чувства во мне пробуждали лишь книги. Мне тоже хотелось написать какой-нибудь великий роман, пусть по призванию я была скорее колумнисткой. Мне хотелось работать где-нибудь в «Вайс» или даже в «Нью-Йорк таймс».

Как знать? Лишь бы только вырваться из этого военного городка, а там – путь открыт.

Мэг подарили сумочку для ее бесчисленной косметики, Бэт – кулинарную книгу. Вообще-то, можно сказать, что это подарок и маме, потому что Бэт медленно, но неуклонно превращалась в обслуживающий персонал. Мало того что она выполняла почти все домашние дела, так ее даже не утруждались поблагодарить. Она молча наводила в доме порядок и оказывалась под рукой в нужный момент – подать Мэг косметичку, на ходу забрать грязные носки в стирку. Книга называлась «Рецепты на полчаса», так что у Бэт вскоре появится свободное время, чтобы перестирать всем вещи.

Кто-то открыл дверцу холодильника, и я вздрогнула от неожиданности, выронив из рук книжицу, припасенную для Бэт. Оказалось, что это Эми. Она лазила по полкам в поиске съестного на завтрак. Стеклянная банка желе упала на пол, угодив мне по босой ноге, и закатилась под стол.

– Ты всех перебудишь! – шикнула я на сестру.

На худеньком теле Эми болталась пижама с рождественскими мотивами: снеговики, крендельки. Крендели были совсем не в тему, зато я вспомнила, как объедалась ими пять лет назад, когда родители купили их мне на Рождество. Бывало, я даже сочувствовала Эми – как самой младшей ей приходилось донашивать то, из чего мы уже выросли. Каждый раз с рождением новой дочери

родителям приходилось потуже затягивать пояса. Когда я была маленькой, Мередит сидела с детьми, а сержантской зарплаты с трудом хватало, чтобы прокормить шесть ртов, если только отца не отправляли в зону боевых действий. Мы подросли, но Мередит все равно было трудно устроиться на работу в Форт-Сайпрус – без диплома. Впрочем, мало кто из мамочек моих друзей работал. Да и те несколько, о которых я знала, продавали кубики ароматизированного воска или легинсы, чтобы выручить несколько лишних долларов на хозяйственные нужды.

Среди наших прежних соседей мало кто мог похвастаться деньжатами. Кое-какой избыток имелся в дни выплат, на время распределения в зону боевых действий да в период подачи налоговых деклараций.

– А ты чего так рано вскочила? – спросила я у Эми.

Она захлопнула холодильник и выставила на разделочный столик хлеб, стаканчик йогурта и пакет апельсинового сока. Судя по ее виду, она давно проснулась и даже успела причесаться, что вообще-то на нее не похоже. Это я всегда просыпалась раньше других сестер. И тогда можно было спокойно пообщаться с Мередит, не слушая вопли сестер, которые не могли решить, что смотреть перед школой.

– Так ведь Рождество. – Эми пожала плечами.

Она показалась мне такой худышкой в одежде не по размеру, было ощущуние, как будто я ее лет сто не видела. Что-то вертелось на кончике языка по поводу одежды, которая велика для ее тщедушного тельца, но мысль не оформилась – я еще не пила кофе, и мозг не был готов рождать метафоры.

Эми выдвинула ящик стола, достала нож для масла.

– Хочешь?

Я взглянула на стол. Будет мазать йогурт на тост?

– Это вкусно, поверь, – сказала она, словно ей было куда больше двенадцати лет.

Я решила пойти наперекор инстинктам и прислушаться к ее мнению.

Эми приготовила нам завтрак, я сварила кофе. Мы съели тост, который оказался на удивление съедобен, и Эми взяла посмотреть кулинарную книгу Бэт.

– А тебе что подарили? – поинтересовалась я.

Она достала телефон из кармана моей старой пижамы. На телефон был надет сверкающий золотистый чехол. Не в моем вкусе, но симпатичный. Эми обожала стразы и пайетки, я же больше специализировалась по хлопковым вещам и джинсе.

– Мило, – сказала я, тронув чехол, на ощупь он был шершавый, словно обсыпанный хлопьями.

– Ага, точно. – Она заулыбалась. Мне стало приятно от ее радости. – Как думаешь, это все наши подарки?

Белокурые локоны Эми буквально светились на фоне темных стен. Она родилась вся такая светленькая – и кожа, и волосы. Остальные пошли в отца: темноглазые брюнетки.

Мередит и Эми были настоящими красотками – прямо диснеевские принцессы. Однако Эми, несмотря на ее белокурые локоны, обладала из всех нас самым мрачным характером. Помню, когда мы были помладше, Мэг страшно завидовала ее светлым волосам, я же вполне довольствовалась своими темными. Мэг мечтала превратиться в Золушку, меня же устраивал образ Белль – у нее имелась библиотека, она разговаривала с подсвечниками и часами. Мне даже принца не надо, я и так в полном ажуре.

– На Рождество ведь не подарки главное, верно? – Я взглянула краешком глаза в гостиную, но елку не увидела.

Эми вздохнула, сделала глоток сока и молчала до тех пор, пока из гостиной не послышался голос Мередит…

Глава 3

– Девочки!

– Мама проснулась! – воскликнула Эми, как будто я и сама не слышала, сунула блестящий айфон в карман и помчалась в гостиную.

Я взяла со стола чашку и налила себе еще кофе. Еще одну чашку приготовила для Мередит и поплелась в гостиную. Когда я вошла, все уже расселись на диване. Все, кроме Эми – та разместилась на полу в ногах Мэг. Бэт тихим голосом диктовала пароль к ноутбуку Мередит. Пожалуй, в десятый раз за эту неделю.

– Почта пришла, – пояснила Мередит. Она сидела, обхватив ладонями чашку и обратив на меня взгляд. У нее были припухшие веки и усталые светлые глаза. Очередной праздник без отца. Я думала, что со временем мы как-нибудь пообвыкнемся, но в этом году Мередит сильно сдала по сравнению с тремя предыдущими.

– Письмо? От папы? – Эми принялась кружиться, скакать и приземлилась Бэт на колени.

– Да, от отца. – Мередит поставила чашку на тумбочку, я в нее заглянула. В чашке не было темных кофейных разводов и несло чем-то кислым.

Я не испытывала ни радости, ни волнения от того, что пришла весточка от папы. Со временем я все сильнее цеплялась за собственные воспоминания о нем. Если постоянно читать обезличенные электронные письма от виртуального отца, то вскоре забудешь, какой он на самом деле.

Папа был яркой личностью, буквально излучал энергию. Он заразительно смеялся и сыпал шуточками обо всем на свете. Мне нравились его взгляды на окружающий мир, я любила слушать, как он говорит, он завораживал меня страстными речами. Мередит как-то обмолвилась, что я унаследовала от него пылкое сердце.

За холодным монитором не разглядеть пылкого сердца.

Я старалась улыбаться ради родных.

– Давайте прочтем! Где оно? – Эми нетерпеливо дергала Мередит за рукав.

– Это электронное письмо, его надо сначала открыть. Потерпи чуть-чуть. – Бэт погладила Эми по волосам, и наша младшенькая тут же угомонилась.

Я постаралась придать лицу хоть какое-то выражение, чтобы на нем не проявилось чувство опустошенности. Однако я никогда не умела играть, тем более в отношениях с близкими. Бывало, рот не успею открыть, а всем уже ясно, что у меня на душе. Папа частенько называл меня открытой книгой. Когда меня исключили из школьной программы по журналистике, низведя до роли рекламщицы, я пришла домой, стараясь сохранить нейтральное выражение лица, чтобы никто не заподозрил о моей неудаче. Но стоило мне открыть дверь, как все взгляды обратились ко мне, и родные принялись кудахтать надо мной, как куры-наседки. Было чувство, что карьера моя закончилась, так и не успев начаться.

Последний год школы мне предстояло провести под липким и душным солнцем Луизианы. Мэг покрывалась загаром, а я обгорала, волосы Эми еще больше светлели под поцелуями солнца, а мои просто выгорали. Солнечный свет я недолюбливала. Меня бесило, что ноги у меня белые круглый год, сколько бы я ни торчала на солнце. В результате я ходила мрачная, а окружающие, обмазав себя с ног до головы лосьоном для загара, улыбались от уха до уха. Странное складывалось впечатление: как будто все вокруг – зомби. Не как в «Ходячих мертвецах», конечно, без людоедства. Обычные жены военных и детишки, а глаза – грустные-грустные. Вот это как раз вполне естественно. Мне тоже было не до веселья. Из нашей части уезжало на войну гораздо больше солдат, чем из любой другой по всей стране, и мы жили среди обездоленных. Кто-то рос без отца, кто-то – без матери, кто-то остался без мужа, а кто и без жены.

Рождество без отца в этом году превратилось в тяжкое испытание. Мало того что главный связующий элемент нашей семьи коротал время в палатке на другом конце земного шара, нам к тому же и денег не хватало. Вспомнилось, как часто родители сердитыми приглушенными голосами обсуждали финансовые проблемы. Говорят, все беды от денег, а вот я считаю так же, как Мэг. Она однажды сказала: «Попробуй-ка быть несчастным, когда у тебя куча бабла», и в этом куда больше здравого смысла. Наверное, деньги становятся злом только

тогда, когда их у тебя нет.

По техасским друзьям я скучала не меньше, чем по отцу. Ну, верней, по одной из подруг. В кои-то веки мне удалось с кем-то сдружиться, а тут пришел приказ о переводе в Луизиану. В Новом Орлеане мы прожили год, но я так ни с кем и не подружилась, даже попыток не предпринимала.

Хотя нет, не совсем. Я встретилась взглядом с нашим дряхлым соседом, целых два раза. А через неделю помахала ему рукой.

Пока Бэт зачитывала вслух письмо отца, я ушла в свои мысли. Один раз улыбнулась, услышав свое имя. Отец писал, что скучает по мне. Я тоже скучала по нему. Я подумала, что никогда больше не буду скучать по отцу, впрочем, я понятия не имела, что будет происходить в моей жизни. Сестры с мамой вздыхали, поливая ноутбук слезами, и Мередит пообещала на следующей неделе устроить нам разговор с отцом по скайпу. Мне представилось, что там, в Мосуле, наверняка тоже украсили лагерь по случаю Рождества, и на душе потеплело. Когда отец служил в Баграме и Кандагаре, лагерь наряжали к каждому празднику. Одно Рождество застигло их в Афганистане; на ужин дали лобстера и стейк, чтобы хоть чуточку скрасить отсутствие семейного тепла. Сейчас отец служил на одной из самых опасных военных баз Ирака. Надеюсь, у них там хотя бы есть елка. Мы отправили папе посылку с конфетами и печеньем от Бэт, пакетиком «Баглс» от меня, туалетными принадлежностями от Мэг и рисунком от Эми.

– Не забудьте, что нам сегодня еще идти на праздник. А ну быстренько в душ! – скомандовала Мередит и откинулась на упругую диванную подушку. Эми и Мэг принялись шумно спорить, кому из них первой мыться.

Пока мои сестры освежались и прихорашивались, я расположилась на постели и напечатала несколько предложений – и так возилась со статьей чересчур долго, больше месяца. Потом взяла в руки «Под стеклянным колпаком» и открыла на первой странице.

Глава 4

Мэг вышла из дома первая, мы направились следом. Было в Мэг что-то лидерское, такое, отчего за ней сразу хотелось идти. Из нее мог бы выйти политик или актриса.

По каким-то неведомым причинам люди так и слетались к Мэг, как пчелы на мед. Впрочем, девочки дружили с ней не так охотно, как парни; она даже сказала мне по секрету, что девчонки ее побаиваются. Лично мне казалось, что в ней таится загадочная сексуальность, а опытность в любовных делах даже бросалась в глаза. Мэг нравилось находиться в центре внимания. Я же, напротив, внимания избегала, хотя и ценила в сестре это свойство.

– Пошли, девчонки! – позвала Мэг, ускорив шаг.

Я зацепилась носком за дверной порог, полетела вперед и рухнула бы лицом вниз со всего размаха, однако Бэт поддержала меня за локоть и помогла обрести равновесие. Сумку я успела придержать, чего не скажешь о моей новенькой книжке и сотовом телефоне. Они упали на подъездную дорожку, и я чертыхнулась.

– Под ноги смотреть надо! – бросила на ходу Эми с кривоватой усмешкой. Временами она меня просто сводила с ума.

Я хотела шлепнуть ее по руке, но она увернулась и побежала по дорожке. Я кинулась следом и, схватив за длинный рукав свитера, рывком притянула к себе. Эми взвизгнула, а я подняла глаза и увидела парня на дорожке возле соседского дома. Похоже, мой ровесник или чуть старше – как Мэг. Толстовка цвета беж. Длинные белокурые волосы. Они с Мэг неплохо бы смотрелись, если бы парень надел не черные джинсы, а светлые. Очевидно, его рассмешила моя неловкость, но он сдержался.

– Джо! – заверещала Эми, дернув меня за руку и повалив на асфальт. Оказывается, она успела упасть. В мгновение ока я оказалась рядом с ней; на коленке пульсировала ссадина, а сквозь рваную дырку в черной джинсе сочилась красная кровь.

Мэг подошла и протянула мне руку, Бэт помогла встать Эми. Когда я бросила взгляд через двор, парень по-прежнему смотрел на нас, стараясь не рассмеяться.

Мне захотелось показать ему палец, и я показала.

Он наконец рассмеялся – и помахал мне. Махал и улыбался широко-широко. Я принялась отряхиваться. Мне было неловко, что он стоит и машет мне без ответа. Я тоже махнула, тем же пальцем. Падая, я содрала об асфальт кожу на ладони, и теперь ее жгло.

– Кто такой? – спросила шепотом Мэг и приспустила мне куртку, чтобы прикрыть поясницу.

Я взглянула на сестру. Красная помада на губах, вся такая ладненькая, стильная – полная противоположность мне, неряхе в разодранных джинсах и с оцарапанной ладонью.

– Не знаю.

– Так спроси, – велела Эми.

Парень шел по дорожке, ведущей к дому старого мистера Лоренса.

– Нет, – одновременно сказали мы с Мэг.

– Эй! – окликнула Эми парня, что было вполне в ее духе.

Я зашагала, пытаясь игнорировать боль в колене; сестры шли следом. Мы спустились по подъездной дорожке и вышли на тротуар.

– Как тебя зовут? – крикнула незнакомцу Эми.

Я почувствовала, что ноги отказываются мне повиноваться.

– А тебя? – Парень приветственно двинул головой.

– Он вам кивнул, – сказала я сестрам. Я не сомневалась, что он расслышал мою фразу, но мне было по барабану.

– Он… – начала Мэг, высматривая, есть ли на его пальце обручальное кольцо.

На мой взгляд, парень для женитьбы пока зеленоват. Старше меня, однако слишком молод, чтобы обременять себя семьей.

Он совершенно не походил на тех, с кем встречалась Мэг. Явно не военный – слишком длинные волосы, а Мэг гражданских вообще в расчет не брала. Была у нее такая особенность.

Парень быстро прошел мимо нас.

– Скорей всего, тот самый внук, про которого Дениз рассказывала нашей маме, – предположила Бэт. Обычно она была в курсе взрослых дел.

– Возможно, – согласилась Эми.

– Прекратите таращиться, – шикнула я на сестер. Ишь, идут, слюни пускают.

– Такой парень будет любить свою девушку на ложе из рваных листков, исписанных стихами в ее честь, – произнесла Мэг, не прекращая таращиться.

Я догадалась, что слово «любить» она использовала исключительно потому, что рядом скакала наша двенадцатилетняя сестренка. Мне было ясно, что именно она подразумевает, и я догадывалась, что парни подобного склада выделывали со своими девушками.

– Ведь правда же? – спросила Мэг. Бэт и Эми кивнули.

Парень был уже совсем рядом. Затем, поравнявшись с нами, зашагал возле Эми, словно знал ее тысячу лет.

– Мы теперь соседи.

– Очень рада, – сказала я.

Он обернулся и посмотрел на меня, сверкнув белыми ровными зубами. Богатенький, сразу видно.

– Взаимно. Мы с тобой подружимся, даже не сомневаюсь.

В его голосе угадывался слабый акцент, но какой именно, я так и не поняла.

Нахальная улыбка, черные глаза – так обычно рисуют злодеев в мультфильмах для маленьких.

– А я сомневаюсь, – встряла Эми. – Джо вообще не заводит друзей.

– Поживем – увидим, – бросил он и пошел своей дорогой.

Мы проводили его взглядами.

– И не надейся! – крикнула Эми, и Мэг попросила ее вести себя потише.

К дому старого мистера Лоренса подъехал «линкольн». Не сказав ни слова, парень забрался в блестящий автомобиль, улыбнувшись нам на прощанье. Впрочем, глаза его затмило легкое облачко, и я даже предположила, что он нас побаивается.

Вот и славно.

Порой на меня находило такое чувство, будто я – не человек, а стихия. Вот сейчас мы с сестрами были ветром, мощным и быстрым, который надвигался на город, чтобы разнести его в щепки.

Может, слишком громко сказано, но в нас и правда бушевала стихия, во всех четырех сестрицах Спринг.

Глава 5

В досуговом центре толпился народ, под ногами цыплячьей стайкой носились дети. Едва мы вошли, Мэг сняла жакет и повесила на крючок на стене, увешанной поделками из строительного картона. Через всю комнату тянулись столы, в линию, как на банкете. И на каждом что-нибудь громоздилось: на одном – изделия на продажу, на другом – выставочные поделки мастеров. В углу комнаты притулился какой-то старик в костюме Санта-Клауса, а Дениз Ханчберг объявляла через громкоговоритель победителей лотереи.

– Лесли Мартин, Дженнифер Битс, Шайа Кинг, – клокотал ее прокуренный голос.

Я принялась выискивать еду. Уж если придется все это терпеть, да еще и с улыбкой, не помешало бы для начала подкрепиться.

Я шла следом за Мэг, остальные – за мной. Мы сделали круг по залу, и я нашла то, что искала: два длинных стола с едой, а рядом – еще один, там разукрашивали аквагримом лица. Чуть поодаль сидел человек, который рисовал карикатуры. Вся эта рождественская кутерьма напоминала ярмарку, а ярмарки мне по душе. Я постояла немного возле художника – тот писал семейный портрет Салли. К матери и двум детишкам художник добавил и мистера Салли, который находился в Ираке с моим отцом и которого он нарисовал по фотографии.

На праздники нашего артиллерийского дивизиона обычно приходило много семей. В прошлом году, хотя наш папа и был дома, мы тоже сюда наведались и целый день провели в компании тех, чьи отец или мать находились на боевом посту. Мы как раз только переехали в Форт-Сайпрус, и родители хотели, чтобы их девочки завели дружбу с соседской ребятней. Приходилось все начинать с нуля. Я целый день смотрела, как папа учит малышей выделывать «электрик слайд» и танцевать макарену.

– Привет, девочки, а где ваша мама? – спросила Дениз Ханчберг, различив нас в толпе возле столиков со съестным.

– Скоро подойдет, – заверила я голосистую председательницу Комитета поддержки семей военнослужащих. Хотя ее муж и младший ребенок были вполне симпатичными, сама она вместе с Шелли, старшей из дочерей, сильно смахивала на хорька. Шелли вообще была кошмарной девицей. На вид – сама простота и невинность, однако мне не раз доводилось наблюдать таких вот

всеобщих любимиц-стервоз, и я прекрасно понимала, что Шелли – волк в овечьей шкуре. В общем, старалась держаться от нее подальше.

Дениз кивнула и сказала, что ей не терпится повидаться с нашей мамочкой. Врушка из нее так себе.

Мэг сообщила, что пойдет к столику с аквагримом чем-нибудь помочь; Эми поскакала следом. Бэт осталась со мной, и мы принялись осматривать стол, полный выпечки – чего там только не было! – а потом начали раздавать свои кубики с сахаром и кукурузным крахмалом перевозбужденным от сладкого детям.

Через час в зал вошла Мередит с двумя блюдами, полными сладкого; мятные тянучки и упругие шоколадные «брауни» расхватали тут же, едва она возникла в дверях. Дениз коротко с ней поздоровалась и долго выговаривала за опоздание, напоследок отправив в рот мамин свеженький шоколадный кекс.

– Джо Спринг? Ты ли это? – Голос показался мне смутно знакомым, однако я не поняла, кому он принадлежит, пока не обернулась.

Передо мной стоял Шайа Кинг собственной персоной. Он как будто стал старше за четыре месяца, прошедших с нашей последней встречи: вытянулся, отпустил волосы на макушке и выглядел почти как взрослый мужчина. Совсем не тот словоохотливый юнец, с которым Мэг целовалась в гостиной в день своего выпускного. Как сейчас помню. Повсюду висели шарики, в моих волосах застряло конфетти, платье Мэг было слишком облегающим, а мое – слишком длинным. Я жевала кренделек с шоколадной глазурью и носилась по дому, перебрав сахара и кофеина. С диадемой на голове я повсюду искала старшую сестру, а когда наконец нашла, то увидела, как та сидит у Шайи на коленях с задранным до самой талии платьем, вцепившись руками в его густые каштановые волосы. Шайа перестал ее целовать и что-то сказал – я не разобрала, а она спрыгнула с его коленей и толкнула в грудь. Он схватил ее за талию и вновь что-то зашептал, и она опять его поцеловала. Через пару мгновений он еще что-то произнес, и Мэг его снова толкнула. На этот раз она окончательно решила уйти и направилась прямо в мою сторону, в коридор. Я убежала, и сестра меня не заметила. Насколько я поняла, с тех самых пор Мэг с Шайей больше не общалась, только следила за ним через социальные сети.

– Это я, – пробормотала я, желая поскорей вытеснить из памяти, как Мэг касалась его своим ртом.

Шайа Кинг широко улыбнулся.

– Как жизнь? – спросил он, стиснув мне ребра и приподняв над землей.

Только отец меня так обнимал, больше никто.

Мне даже понравилось, хотя это и случилось неожиданно. От Шайи исходило тепло, и я подумала, не спутал ли он меня с Мэг. Хотя некоторые утверждали, что мы похожи, Мэг была попухлее и поуверенней.

– Хорошо, – выдохнула я. Еще десять секунд, и мои ребра наверняка треснут. – Ты уже вернулся?

Не припомню, чтобы мы были настолько хорошо знакомы для тесных объятий. Меня вообще давненько не обнимали, даже в половину его силы.

– Ну да, на недельку. – Он вернул меня на твердую землю. – На праздники. Чуть-чуть поотираюсь в глуши – и вперед, на свободу!

Его глаза сверкали, отражая огни танцевального зала. На потертой футболке красовалось цветное изображение Земли, утыканной зданиями, и лишь одинокое деревцо торчало в самом центре, неподалеку от Колорадо. Облик довершали мешковатые спортивные штаны и потертые кроссовки без шнурков. Представляю, как взвыла его мамуля, узнав, что сынок решил показаться на публике в таком виде.

Шайа расспрашивал о Мередит и художествах Эми, а я осматривалась в зале, пытаясь углядеть среди общего хаоса красную блузку Мэг. В тот день она походила на голливудскую старлетку прежних времен. Собранные на затылке волосы ниспадали каскадом густых темно-русых кудряшек, и Мэг без конца моргала длинными ресницами, точно бабочка крылышками. Яркий румянец, контрастные скулы – лишь одно из многих ухищрений, которым она научилась в магазине косметики. Ее макияж всегда был безупречен.

– А как родные? Ух, ты так изменилась… – говорил Шайа, разглядывая мое лицо: глаза, рот, лоб.

Когда я впервые его увидела, он показался мне симпатичным, но слишком взрослым, чтобы обращать на него внимание.

– Спасибо, – промямлила я.

Мэг на него вечно жаловалась, и я ему не доверяла. Мэг мне сестра, а он – чужой человек, о котором многие отзывались нелестно. Впрочем, я не могла исключить и глобальный сговор. Так было, когда Шелли с Матео расстались в третий раз за прошлое лето из-за новенькой по имени Джессика. Грудь у нее была больше, а юбка – короче, поэтому, когда Матео бросил Шелли и стал ухлестывать за Джессикой, Шелли всем принялась рассказывать, какая та плохая. А потом выяснилось, что Джессика – вообще супер и сама отшила Матео.

– А как родные? – вновь спросил Шайа.

Я никак не могла решить, стоит ли с ним откровенничать. Мы ведь и не знакомы толком. В то же время не хотелось отделываться шаблонным: «О-о, все просто супер! Не жизнь, а сказка!»

Не дождавшись ответа, Шайа приложил к шее ладонь и спросил:

– Как Эми? Наверное, совсем большая.

– Да, уже семиклассница.

– Что ж, почти взрослая. – Он улыбнулся, взгляд ожил. – А Бэт? Не забросила пианино?

Да он осведомлен, что Бэт у нас музицирует!..

– Ну да, поигрывает время от времени. – У меня участился пульс. Чем дольше мы разговаривали, тем больше я утверждалась в предположении, что Мэг чего-то недоговаривала. Все в облике Шайи, от символичной картинки на футболке до того, как он жестикулировал во время беседы, наводило на мысль, что лично

мне его не за что ненавидеть. Не знаю, почему Мэг прониклась к нему такой неприязнью. Скорее всего, на почве любви – или любовного разочарования.

Мне хотелось расспросить Шайю о путешествиях, а не распространяться о нашем житье-бытье. Однако, встретившись с ним взглядом, пустилась в рассказы о Бэт. О том, как она дни и ночи грезит музыкой, как в последнее время бросила подбирать попсу, которую крутят по радио, и играет уже что-то свое.

– Она очень талантлива, – сказал Шайа. – Когда я ездил в Перу, то познакомился там с одной женщиной, которая учила музыке глухих детей. Это потрясающе.

Я задумалась, где вообще находится это место на карте, и думала я несколько дольше, чем хотелось бы признаться.

При мысли о том, что Шайа побывал в Перу, я почувствовала себя совсем зеленой и даже немного разочаровалась в своих мечтах о грандиозных свершениях, которые планировала достигнуть к семнадцати годам. Мне тоже хотелось помогать людям. И не просто устраивать перепалки с троллями в фейсбуке, а делать что-то великое.

– Тебе понравилось в Перу? На фотках выглядело красиво, – сказала я, когда на память пришли кадры, которые Шайа выложил в фейсбуке. Мне пришлось два часа сидеть возле компа, пока сестра кликала по фотографиям. Шайа отправился из Калифорнии в Бразилию, оттуда – в Перу, и сестра ревностно отслеживала весь его путь. Подумав о том, сколько штампов стоит в его паспорте, я вспомнила, что у меня паспорта вообще нет.

Шайа в некотором недоумении сощурился и покачал головой:

– Правда?

Я поняла, что проболталась и сейчас придется как-нибудь объяснять, с какого перепуга я просматривала его фотки из Перу, Мексики и Филиппин. Нельзя же просто сказать: «Мы с сестрами отслеживали твои перемещения и знаем все про твою жизнь».

Как раз в тот момент из-за спины Шайи возникла Мэг. Мне сразу стало ясно, что она не ожидала – да и не особенно хотела – увидеть его здесь. Конечно, ее появление здорово усложнило ситуацию, но все равно я была рада появлению сестры, потому что теперь не надо выдумывать объяснения, почему я подробно осведомлена о событиях его жизни, притом что мы с ним едва знакомы.

Мэг встала рядом, придав лицу игривое выражение. Взрослые здорово поднаторели в искусстве эффектного лицемерия. Когда Шайа взглянул на сестру, она прямо вся лучилась, показывая, что, мол, невероятно счастлива его видеть.

– Мэг! – Шайа улыбнулся, и его улыбка была фальшивее, чем наклеенные ресницы Мэг, тени от которых затрепетали и опустились на щеки. Я и сама подумывала попробовать такие же, но потом, посмотрев одно видео на ютуб, решила, что зрение для меня важнее, чем красота. По крайней мере пока. Я училась в старших классах и еще даже не сформировалась физически, если верить тому, что пишут о взрослении в интернете.

– Шайа! – Мэг ненадолго примолкла и повысила градус радости. – Привет! – На их лицах сияли неестественные улыбки, но Мэг превзошла Шайю раза в два, восторженно распахнув глаза и выдав такую широченную улыбку, какую я впервые видела на ее лице. – Как ты? Как жизнь? Где сейчас обитаешь? В Канаде?

Шайа засмеялся и облизал верхнюю губу. Рот у него был такой, каких у парней обычно не бывает: чувственный, с идеальным изгибом. Мэг сходила по нему с ума, хотя, помнится, сетовала, что губы у него тонковаты. А еще ей нравились светлые волосы Эми и мои пухлые губы. Не знаю, все ли хорошенькие девчонки так придирчивы к внешности, как наша Мэг. Я считаю, это пустая трата времени – имея такую внешность, выискивать недостатки. Я вот всегда ненавидела свои губы, особенно когда была маленькая. Все мои одноклассники, которые, как и я, комплексовали из-за внешности, выпячивали губы и дразнились: обзывали меня «рыбьим лицом». Из-за них я школу терпеть не могла.

– Нет. – Шайа фальшиво засмеялся. – Вообще-то, я скоро поеду на две недели в Вашингтон, а потом к другу в Атланту. Ну а как жизнь здесь, в Форт-Сайпрусе? – Он ненадолго примолк и слегка помрачнел. – Наверное, все по-старому? Не замечаю особенных перемен.

На кукольном личике Мэг промелькнула растерянность, Шайа подался к ней и шепнул что-то на ушко. Взглянув на меня, она закатила глаза, но, когда на нее посмотрел Шайа, вновь стала той же приветливо улыбающейся девушкой. Мэг удавалось владеть собой в любой ситуации.

Такой должна быть настоящая женщина, подумала я.

– Все просто отлично. Очень скоро вернется Джон из Уэст-Пойнта. Он первый в классе. Здорово, скажи? – Мэг вскинула руку, не глядя Шайе в лицо.

Его вдруг покинула показная уверенность. Появилось ощущение, словно они оба от меня что-то утаивают. Впрочем, сомневаюсь, хотелось бы мне это знать. По-моему, я еще не дозрела до подобных недомолвок.

– Я в курсе. Мы с ним созванивались пару недель назад, – выдал Шайа.

У Мэг напряглись плечи. Зачем они притворяются друг перед другом? Надеюсь, когда я стану встречаться с парнем, я не втянусь в подобные игры.

– Да ну?

«Ага», – вот и все, что произнес Шайа, а затем сказал нам, что был очень рад встрече.

Мэг сразу же отвернулась, не желая провожать его взглядом, а вот я – да.

– Засранец! – фыркнула сестра. Схватив рулон оберточной бумаги, шлепнула им по столу. – Думает, он лучше других. – У нее слегка тряслись руки, но я сделала вид, что ничего не заметила. – Плевать я хотела, пусть катится ко всем чертям. Все равно скоро Джон приедет.

– А приезд Джона имеет к этому какое-то отношение? – спросила я в надежде, что она поделится со мной сокровенным, хотя и догадывалась, что взамен мне тоже придется выложить какой-нибудь секрет. Мэг понимала только «ты мне – я тебе», но мне это даже нравилось.

Мэг вздохнула и, подцепив меня под локоток, потащила прочь. Мы пропихнулись мимо державшейся за руки парочки, Лидии Уоллер и ее парня, Джоба Уоллера. Они не приходились друг другу родней, однако, по странному стечению обстоятельств, оказались однофамильцами, что само по себе было удивительным совпадением. Влюбленные шли, не расцепляя рук.

– Как ты думаешь, когда они дойдут до того столба, кто первым отпустит руку? – шепнула мне на ухо Мэг.

– Никто. – Я засмеялась, и мы увидели, что они решили обойти столб стороной. Джоб был из тех парней, у которых обычно потеют ладони, а Лидия – из тех девушек, которым это вполне по душе.

Я вновь повернулась к сестре, и она крепко схватила меня под локоть.

– Надо же, из всех мест, куда можно было поехать, он оказался именно здесь. Здесь!

– Он же местный, и родители его тут живут, – пробормотала я. Лично мне присутствие Шайи на празднике не показалось удивительным.

Мэг была возмущена и взволнована; как ни странно, моя элегантная и утонченная сестра, которая не позволяла себе появиться на людях с облупившимся лаком, вдруг завелась из-за постороннего человека. От нее исходило ощутимое напряжение. Кто бы мог подумать, что Шайа Кинг наделен такой властью?

– И как мне теперь у них работать, если он будет болтаться по дому?

– Тебе повезло, – заявила Мэг. Она не стала вдаваться в подробности, почему так считает, а я не стала допытываться. И тут вдруг сестра с обидой взглянула на меня: – Что? Чего ты так смотришь?

Черт, проклятое лицо выдает меня с головой. Надо будет поработать над самообладанием, прежде чем я встану на путь журналистики.

Задушевный голос затянул лиричную песню. По залу разнеслись первые такты Hello. По-моему, эту мелодию я слышала миллион раз, гораздо чаще, чем любую другую, – ну кроме хита Black Eyed Peas, который у нас ежесекундно крутили весь седьмой класс. Я взглянула на импровизированный столик диджея в углу и увидела Бэт, стоявшую позади. Сколько себя помню, она всегда там, где музыка.

– Просто не врублюсь, что с ним не так. Я думала, вы друг друга терпеть не можете, а ты ведешь себя, словно его первая жена.

– Очаровательно выразилась. – Мэг закатила глаза. В этом деле она была виртуозом.

– Зато искренне. – Мне хотелось, чтобы она начала воспринимать меня как взрослую и дала наконец нормальный ответ.

– Да что ты вообще знаешь о парнях, Джозефин?

– Немного.

Мое представление о мальчишках сводилось к общению с ними по интернету. Наверное, все они очень разные. Во всяком случае, парни из интернета производили на меня куда лучшее впечатление, чем притворщики, с которыми путалась Мэг.

– У тебя впереди масса непознанного. – Мэг обняла меня за плечи. Я не сопротивлялась. – Когда я встречалась с Ривером, мы постоянно ссорились и мирились, и так без конца, помнишь? Как в тот раз, когда он целовался с Шелли Ханчберг?

Я кивнула. Я на дух не переносила ее бывшего парня, Ривера Баркли. Второго такого мерзавца просто не сыскать. Помню, мы жили в Техасе, и Мэг вылила целую бутылку «табаско» в кофе своей бывшей подруги. Все дико угорали, пока ту выворачивало наизнанку в спортзале!

– Шайа – он типа Ривера, только хуже. Изворотливый, как змея, – предупредила Мэг. И для убедительности коротко прошипела по-змеиному.

Я невольно оглянулась и тут же увидела Шайю. Светясь от счастья, он обнимался с Мередит.

– Хуже Ривера? Жуть. – Я отвела взгляд.

– Гораздо, гораздо хуже, – сказала Мэг, и мы пошли дальше. – А тебе, Джо, кто-нибудь нравится?

Я пожала плечами.

– Нет, наверное. Нет.

Непривычно разговаривать с Мэг о парнях. Порой, когда она была в настроении, то что-нибудь рассказывала мне, однако сама ни о чем напрямую не спрашивала. Обычно так: она говорит, я – слушаю.

– Так-таки и никто?

– Никто. А теперь выкладывай, что у вас там на самом деле случилось с этим Шайей? Вы переспали или что?

Мэг временами приоткрывала завесу тайны, а я хотела услышать все, без купюр, хотела стать чем-то средним между младшей сестренкой, с которой можно общаться по душам, и взрослой сестрой, с которой делишься сокровенным. Желанная и опасная грань, но я чувствовала, что этого рубежа мы достигли, и на смену моим кукольным бантикам пришел лифчик «пуш-ап», а цветным мелкам – тампоны.

– Да, и не только. Мне показалось, что… – Мэг замолчала на полуслове, и я практически почувствовала, как в ее душу вползает горькая досада.

Я проследила за ее взглядом – в паре метров от нас стоял Шайа. Вокруг него сбилась стайка девчонок из моего класса, они с умилением ворковали, точно старушки вокруг новорожденного.

Мэг фыркнула.

– Интересно, долго он намерен здесь находиться…

– Смотри, не поддайся, Мэг. Скоро Джон приезжает.

Джон Брук мне нравился. Коренастый, с коротко остриженными рыжеватыми волосами и мягкой улыбкой. Он был влюблен в Мэг. Дня не проходило, чтобы она не напоминала нам, как сильно он по ней скучает и как трудно ему пережить разлуку.

Мэг вытаращила глаза, как будто успела начисто позабыть о существовании Джона.

– Да, Джо, ты права. Джон приедет, Шайа уедет. Прошло столько времени, почему это вообще должно меня волновать?

Ждет от меня ответа?

– Не беспокойся. Сделай вид, что тебе безразлично, и победа на твоей стороне. Так ведь устроен мир, да?

Мэг улыбнулась.

– Ах, Джо, ты совершенно права. Кто бы мог подумать!

Я кивнула, и она потащила меня дальше, в глубь зала. Мы прошли мимо Мередит, что-то увлеченно обсуждающей с Дениз. Говорить они могли о чем угодно, начиная с трудностей, с которыми приходится сталкиваться военнослужащим на месте дислокации, заканчивая оттенком пола в доме Дениз. У этой женщины все зависело от настроения.

Дочка ее, Шелли, в этом смысле пошла в мать. Вот она милая и обаятельная, хвалит мою статью на полный разворот о том, что во Флинте пьют грязную воду, – а через секунду, стоит лишь отвернуться, начинает злословить обо мне и обзывать меня «Джозеф». В школе вообще до народа никак не дойдет, почему это я, едва проснувшись, не бегу красить губы помадой. Мол, непорядок!

Я знала и отчима Шелли, генерала Ханчберга, и ее родного отца. Думаю, от него-то она и унаследовала свой характер. Мистер Гришэм был нашим учителем, когда мы жили в Техасе. По слухам, Дениз, сама дочка военного, вышла за Гришэма сразу после школы. Через десять лет его уволили из армии по состоянию здоровья, а Дениз не нашла себе призвание на гражданке. Ее буквально бесило от того, что пришлось помахать мечте ручкой и ей больше не светит стать председательницей Комитета поддержки семей военнослужащих и переехать в один из тех огромных домов, какие специально строят для генералов.

В грандиозные планы Дениз не вписывалось положение жены учителя по гигиене. Она стремилась быть у всех на виду, ей хотелось, чтобы окружающие ценили ее великие жертвы в роли генеральской жены. Дениз Ханчберг любила званые обеды и благотворительные распродажи. Сейчас она стояла рядом с Мередит и, как истинная патриотка, заталкивала в глотку мятные пастилки и запивала их пакетированным вином. Какая злая ирония, что Дениз с семейством последовали за нами из Техаса, оказавшись в том же военном городке, что и мы.

– Куда направляемся? – спросила я у Мэг, когда она толкнула тяжелую дверь запасного выхода. Дверь приоткрылась с пронзительным скрипом, и в помещение ворвался холодный воздух с улицы. Я оглянулась – нас никто не заметил. Никого на этой вечеринке, похоже, не беспокоило, что две девчонки куда-то выскользнули с черного хода.

– Уходим, и ни слова про Шайю, – предостерегла Мэг.

Я хотела спросить почему, когда мой взгляд упал на троих парней, стоявших на газоне.

Я узнала лишь одного – того самого, которого мы сегодня встретили возле дома старого мистера Лоренса. Волосы у него еще больше растрепались и казались еще длинней, как будто отросли с того момента, как я его увидела в первый раз. А может, у меня это просто не отпечаталось в памяти и потому неожиданно поразило сейчас. Казалось, голова парня залита желтой краской, которая затекла за воротник черной куртки.

– Как дела? – спросил самый высокий и крупный из парней, с фигурой как у супергероя из комиксов. Массивные руки, широченная грудь – даже форма была

тесна. На груди красовалась нашивка с фамилией «Ридер».

– Скукотища, – ответила Мэг, кивнув в сторону здания.

Всю дорогу сестра не отпускала моей руки. Мы спустились по ступенькам и сошли на траву. Я не заметила трещину на цементном крылечке и едва не упала, угодив в нее носком. Мэг не дала мне упасть. Сердце колотилось в груди. Нет, опять, что ли? Уже второй раз за день я спотыкаюсь у него на глазах. Так недолго заработать репутацию девчонки, которая норовит выглядеть крутой, но даже на ногах с трудом стоит и неловко отшучивается по поводу собственной неуклюжести.

Я подняла взгляд – длинноволосый не сводил с меня глаз. Стоял и улыбался. От его улыбочки мне захотелось броситься назад и скрыться в доме. Или обозвать его как-нибудь. Не знаю, что было бы правильнее. Мэг в любом случае будет неловко из-за меня, и она решит, что я не доросла до сестринских откровений. За этот день мы с ней здорово сблизились, и мне не хотелось сдавать позиции.

Я отвела от него взгляд и переключилась на сестру. Та моментально запустила режим крутизны и включилась в общение.

– Привет, – обронила она, обращаясь к троим собравшимся, и блондин, с которым утром повстречались, вскинул руку для рукопожатия. Она тронула его за ладонь, выпустив мою теплую руку, и сказала, что ей приятно с ним познакомиться. Неужели Мэг не узнала его в лицо, хотя мы виделись лишь сегодня? Странно.

Между длинноволосым блондином и моей сестрой стоял парень в форме. Он представился по фамилии, Брайером. Я уже отвыкла спрашивать имена у военных.

Подбородок у Брайера порос густой темной щетиной, и казалось, что рот обвели черной краской. Чем ближе к губам, тем контрастнее выделялась его борода. Он выудил пачку сигарет из кармана форменных брюк, и здоровяк Ридер протянул ему зажигалку. Брайер сунул сигаретку в рот, меж тонких губ заклубился дымок. Выглядело это устрашающе, у меня разыгралось воображение. Мне хватало сущего пустяка, чтобы навыдумывать всяких кошмаров. Когда я была помладше, я взахлеб писала истории про вампиров и ведьмаков, про волшебные страны

наподобие Нарнии, а потом, когда выросла, поняла, что меня больше влекут реальность и журналистика.

– Как там, на празднике? – спросил Ридер.

– Да так себе, на мой взгляд. Детям нравится. – Мэг протянула руку и взяла у него сигаретку. Я даже не знала, что моя сестра курит. Впрочем, неважно. Главное, что она не стала передо мной шифроваться, а значит, доверяет мне больше, чем Мередит и сестрам.

На улице стало гораздо теплее, чем утром. Расстаньтесь с мечтами о снеге на Рождество, если живете на юге Луизианы.

– А вы, парни, разве сегодня не работаете? – поинтересовалась сестра у двоих в форме.

Я заметила, какими глазами они на нее смотрели. Такое чувство, что парни готовы хоть на дно Дотракийского моря сигануть по мановению ее пальца. И плевать на драконов. Правда, сравнивать Мэг с Кхалиси – все равно что Жанну д’Арк с трофейной женой какого-нибудь политика.

Ридер издал гортанный смешок.

– Работаем. Мы здесь на дежурстве.

Мэг хохотнула. Из ее рта идеальными серыми завитками выкатился дымок.

– Это видно.

Парни загоготали – наверное, они стали бы смеяться любой ее шутке. Только блондин, похоже, отстранился от болтовни. Он стоял и в задумчивости глядел на расстилающееся позади нас пустое поле.

– Лори, а ты здесь надолго? – спросил здоровяк, в упор взглянув на нашего утреннего знакомца.

Лори? Его зовут Лори Лоренс?

Надо было сильно постараться, чтобы дать ребенку такое имечко.

– На вечеринке или в городе? – уточнил Лори. В его голосе звучали драматичные нотки, и мне он тут же представился с чашечкой кофе, корпящим над неоконченной рукописью. Проклятое воображение.

– На празднике. – Ридер выпустил изо рта струйку дыма. Вид у него был слегка недовольный.

– Еще две минуты, – сообщил Лори.

Я подошла чуть ближе и, сама того не желая, разинула рот.

– А в городе? – вырвалось у меня.

Мэг уставилась на меня так, словно я только что спросила, не хочет ли он заняться со мной сексом на глазах у друзей.

Лори улыбнулся.

– Ненадолго. Отец меня отослал сюда наводить мосты с дедушкой, а сам за морем. Через год он вернется домой, а я поеду обратно в Техас.

Год – это довольно приличный срок, если знаешь, на что его употребить.

– Он в Ираке или Афганистане? – спросила я.

– В Корее.

– А-а. – Я была наслышана о кошмарах, которые у них там творятся. Отец как-то рассказывал, что местные не особо в восторге от наших военных и большинство солдат просиживают на базе, не решаясь шагу ступить за ворота.

Лори ушел не попрощавшись – пересек лужайку и исчез в рощице на опушке леса. Я проводила его взглядом.

– Так вы что, на работе или куда-нибудь прошвырнемся? – обратилась Мэг к остальным.

С ней я уже не пошла и даже не дождалась ответа. Я вернулась на праздник и помогла раздавать людям еду – тем, чьим родным не посчастливилось оказаться на Рождество вдали от дома.

Глава 6

Следующая неделя пролетела почти мгновенно. Дни между Рождеством и Новым годом – вообще время странное. Никто не снимает украшений, они так и висят на елке. На две недели вообще все застывает.

Через несколько дней мне должно было исполниться семнадцать, но чувствовала я себя гораздо старше. Мэг проводила со мной куда больше времени – благо она отпросилась с работы у миссис Кинг, сказавшись больной. После рождественской вечеринки, где мы встретили Шайю, мне приходилось каждое утро отпрашивать ее у начальницы. Миссис Кинг старалась не демонстрировать недовольства по поводу мнимой болезни Мэг, но кое-что все же проскальзывало в ее голосе. Я всегда легко распознавала, что чувствуют люди, даже когда они не желали этого показывать. По крайней мере, в то время я так думала.

– Во сколько ставить в духовку фрикадельки? – спросила Мэг у Бэт, которая знала о стряпне больше всех домочадцев.

– Примерно в половине десятого. И будут готовы к десяти, как раз к началу.

На кухне царил бардак. На тесном разделочном столике стояли поднос с фрикадельками и три мультиварки. Небольшой кухонный островок был завален пакетами чипсов. Сверху лежал пакет кукурузных «Баглз» – обожаю, только бы и ела эту соленую вкуснятину.

Я схватила пакетик и надорвала его. Закинула в рот целую горсть чипсов и взгромоздилась на разделочный стол, чтобы достать из верхнего шкафчика

миски. Из года в год мы устраивали в праздничные дни пир: готовили уйму еды и бодрствовали до полуночи. Эми хватало максимум до десяти, дальше она отрубалась, но в этом году сестренка решила побить свой рекорд.

– Бэт, сделаешь мне чашечку кофе? – попросила Мэг. – В маминой машине, из капсулы. Еще только шесть, а я уже с ног валюсь.

Бэт, разумеется, с готовностью согласилась, хотя усердно разминала крекеры для своих знаменитых сырных шариков. Мне как вегетарианке она готовила отдельно, без бекона, с очищенным миндалем. Я уминала все до последней крошки.

– Смотри, – сказала Эми, когда я высыпала пакет чипсов в большую красную миску.

Я подняла взгляд и попыталась понять по лицу сестры, что ее заинтересовало. Эми уставилась в окно возле кухонной мойки; волосы стянуты в тугой пучок – видимо, Мэг постаралась.

Я скомкала пустой пакет и выбросила его в мусорную корзину, подошла к окну и встала рядом с Эми.

Наше окно смотрело на окно дома старика Лоренса. Там расхаживал Лори с какой-то книжкой в руке.

– Может, его удерживают насильно? – В глазах Эми блеснула надежда на более интересный поворот, чем банальное появление нового соседа.

Тем временем парень отложил книгу и сел за рояль, стоявший перед окном. Это окно и этот рояль я видела несчетное количество раз, пока помогала Бэт мыть тарелки и обтирать их сухим полотенцем. Но теперь, когда в комнате появился Лори, картинка изменилась. Обычно я смотрела на красные шторы и думала о том, что старичок Лоренс целую вечность не делал ремонта – с тех пор как въехал в дом в 1930 году.

– Ему там тоскливо, – добавила Мэг, заняв наблюдательную позицию за моим плечом.

– Мама сказала, он много лет прожил в Европе, – с восторженной непосредственностью заявила Эми.

– Наверное, с этим связана тайна. Трагическая европейская тайна, – проговорила я театральным тоном. Когда мы были помладше, то любили разыгрывать пьесы, которые я сама писала. Бывало, разоденемся в огромные папины вещи, и каждый играет своего персонажа, придавая ему какой-нибудь своеобразный говор. У меня был любимчик. Его звали Джек Смид, и говорил он то как австралиец, то как ямаец.

Я не сводила глаз с профиля Лори – нос у него с горбинкой, как будто сломанный. Парень вновь взялся за книгу и протяжно вздохнул. Такой занятный.

– Мама сказала, им толком не занимались. Некому было воспитывать. Отец постоянно в командировке, а мамочка – какая-то итальянская художница или типа того, – поделилась сплетнями Эми.

В комнате по ту сторону лужайки Лори зашевелил губами. Я пыталась понять, что он говорит, но ничего не разобрала. Край его белой футболки зацепился за угол рояля, обнажив торс ниже живота. Мелькнуло что-то темное, но Лори тут же заправил футболку, и я не сумела рассмотреть, что это было.

– У него неплохие брови, – заметила Мэг.

Мне было не до бровей.

– И отличная фигура, – добавила я.

Эми хотела мне что-то ответить, однако благоразумно передумала – закрыла рот и вновь уставилась в окно.

– Как думаете, зачем он приехал? – поинтересовалась Бэт.

Мне не хотелось делиться с Бэт и Эми о том, что услышала от Лори. Почему-то казалось – я его предам, если всем расскажу. Глупо, конечно, тем более что они – мои сестры, а он – вообще непонятно кто.

– Представь, каково это – переехать из Италии в дебри Луизианы, – сказала я, не отрывая взгляда от рук Лори. Он перелистывал страницы книги. – Да еще этот гадкий старикашка, Лоренс…

Лори вновь сел за рояль и отложил книгу.

– Джо, не будь такой злой. Никакой он не гадкий, – упрекнула меня Бэт.

Все равно гадкий. Постоянно шумел на нас, что мы траву ему вытаптываем. А летом нажаловался Мередит, что я украдкой смываюсь из дома, и мне на месяц запретили гулять. Он постоянно орал при виде нас: «Опять эти чертовы сестры Спринг!» Можно подумать, я специально разбила ему ветровое стекло. Я же просто хотела спортом заняться, чтобы родители поняли, что у них растет нормальный ребенок, и бросили волноваться. Интерес к софтболу продержался лишь неделю.

– Ради такого дома и я с ним готова пожить, и плевать, что он гадкий, – разоткровенничалась Мэг.

Наконец к нам присоединилась и Бэт. Прислонившись ко мне плечом, она прильнула к окну.

– А рояль и впрямь хорош, – проговорила она с завистью.

Пальцы Лори небрежно летали по клавишам, и я готова была поклясться, что у нас на кухне звучит его музыка.

– Когда я стану успешной писательницей, то куплю тебе лучший рояль на свете, – пообещала я сестре, твердо намереваясь сдержать свое слово.

– Рояль? Да писатели по счетам заплатить не могут! Скорее уж я выйду замуж за богача, и ты будешь приходить ко мне и играть, – парировала Эми.

Фу, от ее слов повеяло Мэг. Она просто помешана на том, чтобы выйти замуж.

Эми принялась кружиться по кухне и пританцовывать. Походя зачерпнула из миски с чипсами пригоршню треугольных кусочков хрустящего картофеля,

припорошенных сырным порошком. Она их просто обожала. Меня буквально выворачивало при виде ее оранжевых пальцев.

– А если человек хороший, но бедный? Типа нашего папы? – спросила у нее Бэт. Она сунула капсулу кофе в наш «Койриг», как велела Мэг, и потянула рычаг.

Меж тем голова Лори задвигалась в такт его пальцам. Завораживающее зрелище! Бэт, к примеру, вела себя совсем иначе. Ее пальцы нежно скользили по клавишам, точно смазанные маслом, и она прикрывала глаза… Лори терзал клавиши, бил по слоновой кости, широко раскрывая глаза.

Когда я на него смотрела, сердце колотилось в груди и шумело в ушах. Я едва слышала, что происходит вокруг. Сестры же продолжали что-то обсуждать.

– …огромный нос или еще что-нибудь, – говорила Эми. – Я сама решу, кого полюбить.

– В наши времена нос уже не проблема. Гораздо проще сделать нос, чем найти приличного парня, – возразила Мэг.

Я не сводила глаз с Лори. Я впервые видела, чтобы человек так самозабвенно играл. Мы все смотрели на него – ну, по крайней мере, я, – а он ничегошеньки не замечал, полностью поглощенный музыкой.

– Ну а ты, Джо? Ты бы вышла за симпатичного бедняка? – спросила Эми, не прерывая беготни по кухне. В одной руке у нее была банка оранжевой газировки, в другой – горсть оранжевых чипсов.

Я ответила, не отрываясь от окна:

– Я бы не вышла замуж ради денег. Не хочу, чтобы кто-то мною командовал. К тому же я и сама буду достаточно зарабатывать.

Эми фыркнула.

– Кто бы сомневался!

– А сама-то как, Эми? – спросила я ледяным тоном. – Думаешь, у тебя будет богатый муж? Боюсь тебя разочаровать, но…

– Джо, – перебила меня Бэт.

– Хватит уже говорить о парнях, Эми. Ты еще маленькая, – отрезала Мэг.

Я как-то забыла упомянуть, что наша Мэг к седьмому классу перецеловала порядком мальчишек.

Эми глотнула газировки, и над ее верхней губой отпечаталась оранжевая полоса, словно усики.

– Все мы когда-нибудь вырастем, Мэг. Не помешает заранее определиться с планами.

Лори отер лоб тыльной стороной ладони и тряхнул светлыми волосами, которые доходили до самых плеч. Я попыталась представить, каким будет мой муж, но, как обычно, не смогла нарисовать в воображении его облик. Да и хочу ли я мужа? С ними, похоже, одни проблемы. Пока мне не попадался такой парень, с которым я не то что жениться, в ресторан решилась бы пойти.

Пальцы Лори замерли, и он вдруг повернул голову в сторону нашего окна. Я резко пригнулась, а потом осторожно высунулась, чтобы посмотреть, и Бэт засмеялась.

– О чем в последнее время пишешь, Джо? – поинтересовалась она, чтобы уйти от разговора о браке и богачах.

Я хотела ответить, что у меня сразу несколько проектов. Я почти закончила длинную статью о том, как в Камбодже торгуют секс-рабынями, осталось лишь несколько абзацев. Ни одну вещь я так долго не писала. Я знала, что мистер Гикл никогда не пропустит ее в школьную газету, поэтому решила сама отослать ее в «Вайс». Шансы невелики, там вряд ли ее даже прочтут, не говоря уже о том, чтобы напечатать, но я хотя бы отправлю. Это максимум, что я могу сделать. А потом созрею для чего-нибудь нового. Мистер Гикл может заткнуть мне рот лишь в стенах нашей школы Уайт-Рок.

– Ничего особенного, – соврала я.

– Я читала статью про секс-рабынь, ту, которая в твоем ноутбуке, – встряла Эми.

Я развернулась и схватила ее под локоть. Баночка с газировкой шлепнулась на пол, на плитку потекла шипящая оранжевая жидкость.

– Что-что?

Эми дернулась, однако я ее удержала.

– Она была на экране! – взвизгнула сестра в свою защиту.

– Да мне плевать! – Я отпустила Эми только под жгучим взглядом Бэт.

Теперь и последний оплот личного пространства аннулирован!

В кухню на полной скорости влетела Мередит, и я отступила от оранжевой лужицы на полу.

– Вы что здесь устроили? – Мередит обошла наш бардак и испустила протяжный вздох в наступившей тишине.

– У нас все в порядке. – Бэт схватила полотенце, висевшее на дверце плиты, бросила его на пол и принялась вытирать лужу, пока мы с Эми зло переглядывались.

– Кто подрался? Я слышала крик, – ровным голосом проговорила Мередит.

– Никто, – ответила Бэт. – Просто немножко напачкали. Не волнуйся, мы тут готовим.

Мередит смерила нас взглядом, всех четверых, и покачала головой. Видимо, Бэт она не поверила, однако выяснять отношения в канун Нового года ей не хотелось. Она держала в руке стакан с какой-то прозрачной жидкостью. В последнее время вид у нее был не слишком бодрый.

Велев нам вести себя аккуратней и не пачкать кухню, она удалилась.

Я взглянула на Эми и опять повернулась к окну. Лори исчез.

Тогда я пошла в свою комнату, закрыла дверь и села за статью, чтобы хоть как-то отвлечься. Я была жутко зла на сестру.

Глава 7

Мэг

Макияж готов, волосы досушены феном. В ожидании, когда Джо выйдет из душа и накрутит мне бигуди, я взяла в руки книжку, которую она сунула мне под подушку на Рождество. Если честно, с тех пор я ее в руки не брала, но теперь выпала пара свободных минут, и я решила полистать. Открыла на случайной странице и прочла:

Больше всего мне нравится, как ты пахнешь.

Мне представились руки Шайи и черные полоски под его ногтями. Он никогда не был чистюлей, постоянно что-то сажал или помогал какой-нибудь старушке передвинуть мебель. От него пахло землей, как в саду.

То, что он вдруг вернулся, – еще полбеды, самое неприятное, что я все еще о нем думала. До приезда Джона оставалась неделя, и я должна думать о его чистых и сильных руках и о том, как он пахнет одеколоном и стиральным порошком. Вот кто ни за что не появятся на людях в драной футболке и грязных кроссовках.

– Джо! – пронзительно крикнула я.

Было уже половина девятого вечера, к десяти начнет подтягиваться народ. «Народ» – это пара соседей с детишками. Своих «друзей» я не приглашала – половина из них перестали со мной разговаривать, поверив наговорам недоброжелателей. Так бывает, если ты живешь в армейском городке и к тебе

вдруг приклеивается прозвище «шлюшка». Навеки приклеивается. Мне так-то, по сути, плевать, настоящие друзья ни за что не поверили бы в обвинения. То же самое случилось в Форт-Худе, но нынешние сплетни – детская забава по сравнению с тем, что произошло там.

В тот вечер мы собирались, как водится, отпраздновать Новый год дома, однако нас с Джо в последний момент пригласили в особняк Кингов на помолвку Белл Гардинер. Ну мы и решили заглянуть туда на часок, чтобы управиться до одиннадцати. Я не горела желанием идти, ведь была вероятность наткнуться на Шайю, однако решила, что поместье у Кингов большое, народу будет, скорей всего, тьма и шансы его повстречать близки к нулю.

– Джозефин! – позвала я сестру.

Ожидая, я открыла наугад другую страницу книги.

Стих был простенький, и начинался он так:

Отчего умирает любовь…

Потрясенная, я перевернула еще несколько страниц.

Больше он никогда не вернется…

Внизу, под стихом, стояла подпись «Увядший», точно это был автограф того, кто его сочинил. Почему-то вспомнился букет цветов на ночном столике миссис Кинг – там была карточка, подписанная Шайей, и красные лепестки уже начали вянуть. Я тронула краешек, и лепесток отвалился, спланировав на деревянный комод. Как неожиданно он приехал, и сколько времени я убила в пустых мечтах, дожидаясь его возвращения!

Мне следует выкинуть из головы увядшие цветы вместе с его зелеными глазами!.. Я захлопнула книжку и отбросила на кровать. Джо как раз вошла в комнату.

– Я здесь! – воскликнула она, радостно улыбаясь.

Руки у нее были заняты. В одной одна держала плойку для завивки волос и телефон, в другой – пригоршню «Баглз». Длинные распущенные волосы сестры доходили до бедер, ее бледное личико, раскрасневшееся от мочалки, светилось румянцем.

Постоянно твержу Джо, что ей здорово повезло с кожей, но она меня не слушает. Мы с Бэт страдали прыщами. У меня лицо очистилось только тогда, когда я стала работать в Sephora и бесплатно испробовала все самые дорогие новинки.

– Тебе идет этот макияж, – заметила Джо.

Она включила в розетку плойку, я отделила часть волос и заколола их сверху, чтобы сестра завила мне нижние пряди.

В последнее время мы сблизились, она заметно повзрослела. Это была уже не та малышка Джозефин, которая сбежала из дома, когда старик Лоренс поймал в клетку енота и не хотел его отпускать. Я, кстати, тоже не стою на месте. Здорово действует на нервы, что ко мне никто не относится как к женщине, хотя я давным-давно ею была.

– Сделай крупные завитки.

Джо кивнула и принялась за работу.

– Как думаешь, Эми досидит до утра? – спросила я, пока она завивала крупную прядь. Когда Джо отпускала волосы, теплые локоны падали мне на плечо.

Джо не успела ответить – в спальню вприпрыжку вбежала Эми.

– Джо, Мэг, чем бы вы там ни занимались, вы обязаны мне рассказать, как пройдет вечеринка!

– Расскажем. Ты будешь сидеть допоздна или ляжешь пораньше? – спросила я, пока Джо заворачивала в железный зажим плойки очередную прядь.

Эми обошла нас по кругу, подцепила с трюмо тюбик помады и склонилась к зеркалу, выдвинув темно-бордовый стержень.

– Я вас дождусь. – Эми теребила в пальцах тюбик, словно пытаясь сообразить, как этим пользоваться. – Вечно вам достается все самое лучшее. Вы слышали, что Белл Гардинер помолвлена? Жду не дождусь увидеть ее колечко! Ух, везуха же вам, там будет весело, не то что здесь. – Эми вздохнула и, облизнув губы, принялась жирно мазаться помадой. Закончив, она привстала и посмотрела на себя в зеркало.

Помолвка меня особенно не интересовала, как, впрочем, не интересовала меня и сама Белл Гардинер. Она была на год старше меня, однако вместо того, чтобы уехать учиться во Флориду, не выбралась дальше Французского квартала. Вроде бы устроилась в какой-то бар в центре в городе, в центре Квартала, где-то между улицами Бурбон и Роял. Работала там барменшей, как наша тетя Ханна.

– Как думаешь, у нее здоровущая обручалка? – спросила Эми. Ее детские ножки в носочках так и мельтешили в тесных стенах моей спальни.

Мы с Джо переглянулись в зеркале.

– А с кем у нее помолвка-то? – поинтересовалась Джо.

Я пожала плечами и прикрыла глаза. Да кто ж ее знает? Мне, честно, по барабану. Жаль только того страдальца, который предложил ей выйти замуж. Я могла бы придумать тысячу оправданий, привести кучу доводов в пользу своей неприязни к ней, но главное – это все-таки Шайа. Они недолгое время встречались, когда были в выпускном классе, а я училась на год младше. Те две недели показались мне нескончаемыми.

– Как знать. Наверное, с каким-нибудь солдатом, – предположила Джо, взглянув на Эми через отражение в зеркале.

У Эми загорелись глаза.

– Нет, ну вы представляете? Везуха! Одна я как не знаю кто… – вздохнула она.

– Везуха? В двадцать лет замуж? – съязвила я в ответ на ее сетования.

Впрочем, я и сама мечтала пораньше найти любовь всей своей жизни и жить в безопасности за надежной спиной. Так меня воспитали. Я, как и Эми, завидовала Белл Гардинер, но не хотела в этом признаваться. Втайне я надеялась, что Джон сделает мне предложение, как только вернется домой на следующей неделе.

Раздался голос Бэт, стоявшей в дверях:

– Хорошо, что мне не придется ходить там среди всех этих незнакомых людей и ломать голову, о чем с ними говорить.

Ей всегда было крайне некомфортно среди большой массы народа. Когда на мой фейсбук пришло приглашение на помолвку, в которой были указаны только мы с Джо, я ощутила укольчик совести, но потом поняла, что Бэт и сама предпочла бы остаться дома с Мередит и Эми, а не толкаться на шумном и людном мероприятии.

Я с сочувствием взглянула на Бэт и перевела взгляд на Джо.

– Ты что, в этом собираешься пойти? – спросила я.

Сестра кивнула и осмотрела себя с ног до головы. Она была вся в черном: джинсы, рубашка. Чуть выше бедер сверкнула полоска незагорелой кожи. Не помню, чтобы Джо вообще когда-нибудь носила платья. Как-то давным-давно, на Пасху, Мередит заставила нас обрядиться в одинаковые платьица. В них, с одинаковыми корзинками в руках, мы позировали для семейного снимка. Получилось просто убожество. Не удивлюсь, если они висят сейчас на «Баззфид» в коллекции самых уродливых семейных фото.

– Чем пахнет? – спросила Эми, принюхиваясь.

– О боже, Джо! – Я дернула головой, чтобы вырваться. У меня дымилась толстенная прядь волос – сестра даже не подумала разжать плойку.

Эми подняла визг, Джо выронила из рук плойку, и та шлепнулась на пол.

– Подними ее, скорей! – заорала Бэт. – Ковер спалишь!

Я непонимающе уставилась на волосы. В прическе зияла дыра.

– Прости, я не хотела… – залепетала Джо.

– Я в таком виде никуда не пойду! – На глаза набежали слезы, и хоть я не собиралась орать на Джо, ничего не могла с собой поделать.

– Вечно я все порчу, – тихонько вздохнула Джо.

Столько тоски сквозило в ее голосе, что мне захотелось немедленно ее утешить. Но я сидела, не в силах вымолвить ни слова, и только смотрела на выжженную прядь волос.

Эми стащила с себя ободок и предложила мне.

– Вот, надень, и никто ничего не заметит.

Я приняла из ее рук ободок и надела на голову. Никогда не носила ободки, вышла из этого возраста, однако с черным ободком в моем образе вдруг появилась какая-то изюминка, что-то кукольное. Я взглянула на себя в зеркало, распрямила спину. Не позволю подпалинам испортить мне вечер! Вид у меня по-прежнему сексапильный. Насыщенный макияж и девчачий ободок создавали эффектный контраст.

– Какая ты хорошенькая, Мэг. Вот бы мне, когда вырасту, стать такой же красивой, – восхитилась Эми.

Я улыбнулась. Слова малютки Эми придали мне добрый заряд уверенности, которого мне сильно недоставало. Белл Гардинер будет выглядеть безупречно, без вариантов. Она всегда делала ставку на внешность. Ее женишок – должно быть, какой-нибудь богатей-южанин благородных кровей; она целый вечер будет выпендриваться со своим прекраснейшим бриллиантом, а мне остается лишь дуться и уговаривать себя, что я тоже не одинока.

Скоро приедет Джон.

Скоро приедет Джон.

– Джон скоро приедет, – сказала Джо, будто прочитав мои мысли.

Я улыбнулась и сунула ноги в туфли на каблуках.

Глава 8

На подъезде к особняку Кингов скопилось полным-полно черных машин и разряженных по случаю Нового года людей. У меня жутко болели ноги от туфель, и я с завистью поглядывала на легкие кроссовки Джо, жалея о том, что мне небезразлично, что люди подумают о моей внешности. Будь у меня такой же характер, как у Джо, я носила бы обувь на плоской подошве. Мы миновали чей-то джип, и я взглянула на себя в боковое зеркало. Мое искрящееся платье сидело в обтяжку, отдельные пряди на голове уже начали выбиваться из завитков.

Я вновь осмотрела себя, стараясь хоть чуточку перенять стиль Джо. Вид у меня заводной, это правда. Я – горячая штучка. Просто надо почаще себе об этом напоминать.

– Боже, сколько народищу, – выдала Джо и остановилась, поджидая меня.

У Кингов был большой двухэтажный особняк. Прямоугольное желто-коричневое здание с толстыми белыми колоннами у крыльца, доходящими до второго этажа. Продолговатые ставни на окнах нижнего этажа выкрашены черным, и за ту неделю, что я здесь не появлялась, черную ограду второго этажа увесили гирляндами. Этот дом всегда был прекрасен. Я влюбилась в него в первый же день, как только впервые сюда попала, но в эту ночь его словно окутала магия. Повсюду красовались цветы. Железные решетки были увиты фиолетовыми колокольчиками, из корзин свисала пышная зелень с синими цветами, названий которых я не знала.

Мне нравились все здания в Южной Луизиане. Больше всех других, которые я видела в своей жизни. Старинные квадратные дома со ставнями и колоннами навевали необъяснимую жуть и оттого были еще притягательнее.

Наконец мы поднялись на крыльцо. Сердце колотилось в груди, ноги болели от туфель на каблуках. Я заметила дворецкого, мистера Блэкли, он улыбнулся мне и позволил пройти, минуя очередь из гостей. Людей собралось немало, что, впрочем, неудивительно, ведь у Кингов был самый большой дом в этом городке. Здоровый домина с двумя балконами. Мне вообще нравились особняки в этом стиле, особенно во Французском квартале.

Однажды я спросила миссис Кинг, почему она не переехала поближе к Французскому кварталу. Лукаво взглянув на меня, она проговорила:

– А потому и не переехала, милая, что мне дороги мои бриллианты.

Она опустила взгляд на свое запястье, и бриллиант блеснул в искусственном освещении ванной. Я кивнула и добавила румян на ее темные щеки.

Я потащила Джо, ухватив за рукав ее джинсовой куртки, и мы стали протискиваться сквозь толпу желающих попасть внутрь. В этом море лиц мне не попалось ни одного знакомого.

Мистер Блэкли пожелал нам хорошо повеселиться и выпить за него бокальчик шампанского. Мы прошли в гостиную, и тут я удивилась еще больше. Вся мебель вроде осталась на своих местах, но в комнате появились небольшие столики с закусками, а в углу разместился целый бар. Человек за стойкой тряс железным стаканчиком, одновременно наливая в чей-то бокал ликер. Кажется, я угодила на вечеринку Гэтсби.

– С ума сойти, – пробормотала Джо мне на ухо.

Я с ней согласилась, и мы продвинулись дальше в гостиную, чтобы найти хоть каких-то знакомых – кого-нибудь, кроме Шайи.

И первой, кто попался мне на глаза, оказалась Белл Гардинер собственной персоной. Она стояла неподалеку от пианино в длинном изумрудно-зеленом платье, и я невольно посмотрела на ее левую руку. На пальце сверкало кольцо, заметное даже на расстоянии. Камень на кольце был подобран под цвет ее платья. Красивый камешек. В тот миг Белл мне стала еще неприятнее. Она улыбнулась мужчине, стоявшему перед ней, и я предположила, что он – ее

жених. На затылке у мужчины красовалась внушительных размеров лысина, и я от души понадеялась, что не ошиблась в своих предположениях. Мелочно и некрасиво, зато искренне.

– Мы здесь уже целый час? – Джо вытащила из заднего кармана джинсов телефон и посмотрела на экран. – Как, всего пять минут? – удивилась она и сунула его обратно.

Джо взяла со столика небольшой сэндвич с огурцом, и мы двинулись дальше обследовать комнату. Через пару минут я увидела Ридера и того паренька, Лори. Они стояли у бара. Когда я сказала Джо, что хочу с ними перемолвиться, она отчаянно замотала головой, заявив: «Вперед, а я пока здесь потопчусь».

Мне не хотелось оставлять сестренку одну в таком людном месте, но от скуки я потеряла всяческую рассудительность.

– Мэг. – Ридер улыбнулся, когда я к нему подошла. Он легонько обнял меня за талию, и я прильнула к его широкой груди. Он был огромный, как великан.

Я знала его с тех пор, как переехала в Форт-Сайпрус. В школе меня все довольно быстро возненавидели, а он был всегда очень мил. По утрам в свою смену подвозил меня до школы. С ним, как ни с кем другим из парней, я чувствовала себя в полной безопасности.

Однажды ночью, когда я училась в выпускном классе, мы крупно повздорили с Джоном. Он порвал со мной. Я отправилась на какую-то пьянку и набралась там ванильной водки. Я была абсолютно невменяема и двигалась на автопилоте, когда на вечеринку заявился Ридер с друзьями. Впервые я видела его без формы. Я повисла у него на шее, прильнула, как пчела к цветку, он отвез меня домой и проводил до дверей. Я подалась к нему и попыталась поцеловать.

Меня ни разу до той поры не отвергали, а Ридер очень мягко отклонил мои приставания. Сказал, что я много выпила, и был совершенно прав.

– Столько народу здесь, – заметила я, обращаясь к обоим парням. Мне показалось странным, что Ридер, военный полицейский, так легко и быстро сдружился с нашим длинноволосым соседом в кожаной куртке, приехавшим из Европы. Лично у меня такие обросшие парни доверия не вызывали.

– Еще бы. С Новым годом! – Ридер поднял стакан с прозрачной жидкостью, а я подхватила фужер шампанского с подноса проходящего мимо официанта.

Лори взглянул на меня и хлебнул кока-колы из своей банки. Отстой!

– А где та, другая девчонка? Мне показалось, это твоя сестра.

– Тебе показалось.

Уголок его рта приподнялся в улыбке.

– Так где же твоя «не сестра»?

Я взглянула ему прямо в глаза, сосредоточив на них все внимание. Черные и непроницаемые, это нервировало.

– Она тобой не заинтересуется, – предупредила я.

У Джо никогда еще не было парня, а этот тип и подавно к ней не подберется. Такие персонажи не настроены на долгие встречи, им нужно лишь одно, а Джо не велась на подобные вещи.

– Хм-м-м. А ты прямо душка. – Он запустил длинные пальцы в белобрысую шевелюру.

Я отвернулась. Мне не хотелось подпитывать его самолюбие и разжигать в нем повышенный интерес к сестре. Я прекрасно себе представляла, как у таких типов работает голова. Я стала искать Джо возле столика, где мы расстались, но нигде не обнаружила. Она, конечно, вполне способна за себя постоять – пожалуй, даже активней, чем я, – но меня отчего-то не покидала тревога, зародившаяся во мне, едва мы вошли в двери этого дома.

Я пообещала Ридеру увидеться с ним чуть позже и, не удостоив Лори прощального взгляда, отправилась на поиски Джо. Пробравшись мимо большущих шаров в форме цифр, обозначающих наступающий год, я взяла еще один бокальчик шампанского и продолжила искать сестру.

Глава 9

Джо

Ненасытная жадность и классовое неравенство звучали лейтмотивом во всей обстановке этого дома. Я бродила по особняку, напичканному роскошью, а ведь совсем недавно по дороге сюда нам попалась группа бездомных, которые делились объедками из мусорного бака возле креольского ресторана на выезде из базы.

Понятно, конечно, что Кинги при всем желании не смогли бы прокормить целый город. Хотя, может быть, и смогли бы, но ведь это не их вина, что в мире существуют люди, которым в жизни не повезло так, как им. Проходя мимо столов, уставленных целыми рядами бутылок с шампанским, мне приходилось усилием воли взывать к собственному благоразумию.

Обычно я всегда чувствовала, если на меня кто-то смотрит. Наползала такая неприятная тревога. Каким-то сверхъестественным чутьем я угадывала, когда на мне останавливался чей-то взгляд. Выждав пару секунд, я оглянулась. На меня смотрел высокий мужчина в парадной форме. В голове тут же возник вопрос, почему он вообще вырядился в форму на новогоднюю вечеринку по случаю помолвки. Поймав на себе встречный взгляд, он улыбнулся. Мне не понравилась эта улыбка – не приветливая, не дружелюбная, а скорее хищная, с каким-то завуалированным намеком.

Мне ничего не пришло в голову, как только улыбнуться в ответ. Улыбка вышла неловкой и неуверенной, но незнакомец принял ее за приглашение и направился ко мне, отставив бутылку с пивом на ближайший столик. Я стала озираться в поисках Мэг, но не смогла ее отыскать и, воспользовавшись моментом, когда военный отвел глаза, проскользнула меж двух пожилых женщин и юркнула за угол.

Потом свернула еще раз и оказалась на кухне. Там было полно поваров, они сновали и суетились, готовя еду для нескольких сотен человек, собравшихся в особняке. Пахло кукурузным хлебом и розмарином, и мой раздразненный

желудок жалобно заурчал. Надо было нормально поесть, а не довольствоваться пакетиком «Баглз» дома и огуречным сэндвичем здесь.

Какой-то человек проходил через арку, и я наугад подцепила что-то с его подноса. Разжав ладонь, я возблагодарила небеса за то, что закуска оказалась без мяса. Напоминало хлеб с томатным соусом. Бэт готовила что-то похожее, но не помню, как это называлось. Я откусила кусочек, и в животе опять заурчало.

Я шла и шла, временами оглядываясь, чтобы убедиться, что тип в парадной форме не увязался следом. Вроде нет, но я решила не рисковать и снова свернула за угол, оказавшись возле пустого лестничного пролета рядом с дверью, ведущей на задний двор. Здесь было тихо, и я задалась вопросом – а позволительно ли здесь вообще находиться? Мэг как-то обмолвилась пару раз, что по поводу некоторых комнат миссис Кинг страшно нервничает, однако мне уж очень хотелось укрыться от шума и суеты, пусть даже на пару минут.

Я миновала две закрытые двери и оказалась в конце коридора. В углу что-то стояло… По очертаниям вроде бы скамейка, но скрытая занавесью. Я приблизилась и решила заглянуть, нельзя ли там пересидеть.

Рывком отодвинула занавесь и тут же врезалась в статую сидящей фигуры на мраморном постаменте. Я вытянула руки, пытаясь удержать статую, пока та не грохнулась на пол, и, когда она вновь обрела равновесие, развернулась, чтобы присесть на скамью.

– Привет! – прозвучал чей-то низкий голос, и я подскочила.

На скамейке сидел Лори. В одной руке он держал баночку колы, второй коснулся моего предплечья.

Я отпрянула и отпустила штору, мечтая провалиться сквозь землю.

– Прости! Я тебя не заметила.

Надо же, из всех уголков в этом огромном особняке ему понадобилось единственное укромное местечко, которое я смогла найти.

Лори поставил банку с газировкой на пол у своих ног и взглянул на меня.

– Ничего страшного. Я просто решил здесь пересидеть.

Даже сидя он выглядел высоким. Лори приоткрыл рот, и я кинула на него быстрый взгляд. Щеки залились румянцем, я отвела глаза.

– Я пойду, – проговорила я, отвернувшись.

Он вновь тронул меня за локоть.

– Нет, останься.

Когда он это сказал, на меня нашло дежавю, что само по себе было невозможно, поскольку до сих пор мы обменялись от силы парой слов. Я решила, что начала потихоньку сходить с ума, если мне такое кажется, и все же я готова была поклясться, что именно эти слова я от него уже слышала.

– Я никого здесь не знаю, и мне нелегко даются разговоры с чужими людьми, вот я и решил тут посидеть, пока не настанет пора возвращаться домой.

– Но если ты никого здесь не знаешь, то кому какое дело, когда ты уйдешь? – спросила я.

Он вскинул голову и уставился на меня. Его длинные ноги доходили до коврика на полу. Хотелось надеяться, что то, во что он уперся подошвами, не настоящий звериный мех.

– И то правда. – Он улыбнулся. – Ну а ты? Кто решает, когда тебе уходить? Старшая сестра?

Я покачала головой.

Он пристально смотрел на меня, и мне казалось, что время тянется невыносимо долго – будто прошли минуты, хотя пролетело всего секунд десять. Я насчитала пять вдохов в ожидании, пока его губы зашевелятся вновь. Полные губы, такие же, как у меня. Интересно, его тоже дразнили в школе или приятная внешность

спасала его от насмешек, как и Мэг?

– Зачем же тогда ты пришел, раз никого здесь не знаешь? – поинтересовалась я.

Он похлопал рядом с собой, и я присела на противоположный конец скамьи, но, поскольку она была очень маленькая, между нами оказалось всего ничего.

– Наблюдать за людьми.

– Ну и как? Нашел кого-нибудь, за кем приятно понаблюдать?

К чему бы это? – пронесся в мыслях безмолвный вопрос.

Видимо, он сам все понял и улыбнулся.

– За твоей сестрой приятно наблюдать, за Мэг Спринг. – Его волосы были собраны в пучок на затылке, и мне подумалось, что он запросто мог бы работать моделью.

– Ах, ну естественно. Моя сестра. – Я засмеялась. – Всем нравится смотреть на Мэг.

– Легко могу себе это представить.

Он откинулся на спинку с мягкой обивкой, а я стала смотреть вперед, в длинный коридор. Изнутри дом казался еще просторнее, чем снаружи. На стенах с идеальной симметрией были развешаны семейные портреты.

– Жутковато, тебе не кажется? – проговорил он тихо и быстро. – Обессмертить на полотнах всю семью и развесить на втором этаже, куда обычно мало кто заглядывает?

– Ну да, очень.

– Ну а ты сама? За кем ты здесь наблюдаешь?

Я покачала головой:

– Ни за кем.

И это было правдой. Я ни за кем не наблюдала в том смысле, в каком он наблюдал за Мэг. Лори отвернулся от меня и принялся поправлять отвороты темных джинсов над ботинками.

Когда мне стало неловко от затянувшегося молчания, я спросила:

– А это правда, что ты из Италии?

Он взглянул на меня.

– Да, у меня мать итальянка. Она художница. Я жил там, когда был маленьким. Потом мы переехали в США. В прошлом году я учился в итальянской школе, а потом меня отослали сюда.

Теперь мне стало понятно, откуда у него этот едва уловимый акцент. Интересно, подумала я, не сочтет ли он за грубость, если я попрошу его сказать что-нибудь по-итальянски, чтобы просто послушать.

– А какая она, Италия? Мне страшно хочется съездить в Европу. У меня созрел целый план, куда поехать и о чем писать, когда я устроюсь работать в журнале «Вайс». Везде хочется побывать, а то всю жизнь вижу одно и то же. Те же люди, тот же менталитет.

Меня настолько увлекли собственные слова и мечты о будущем, что я на миг позабыла, где нахожусь и с кем разговариваю.

– Выходит, Джо Спринг, у тебя есть мечты?

В тот момент мне пришло в голову, что даже если, и вероятней всего, мне не представится другого случая поговорить с Лори, мне обязательно надо узнать у него как можно больше про Европу.

– Да. У всех есть мечты, разве нет?

– Ты сейчас о людях вообще или обо мне в частности?

Я поняла, что именно об этом меня предупреждала Мэг. О парнях, которые играют в игры. Лори Лоренс – однозначно из тех, кому нравилось морочить людям голову, и словесные выкрутасы – это только начало.

Я тоже умела играть. Пусть у меня никогда не было парня, зато у меня есть три сестры. Я – королева игр.

Ну ладно, может быть, королева у нас все-таки Мэг, но тогда я – принцесса. Это точно.

– Слушай, мне надо бежать, – сказала я, вместо того чтобы сделать свой ход. Я знала, что прекрасно умею играть, да только мне этого не хотелось. Мне хотелось узнать про Европу и о том, каков мир за пределами моего крохотного обиталища, но ему, видимо, не хотелось делиться.

– Что? Почему? – Он поднялся вместе со мной, но я проворно удалилась, задернув штору, прежде чем он успел еще что-нибудь сказать.

Шах и мат, Лори, подумала я, сбегая по ступеням.

Глава 10

Мэг

– Ты не видел Джо? – спросила я Ридера, заново его отыскав.

Я смотрела везде: в гостиной, в столовой, в кухне – сестры нигде не было. Потихоньку начинала паниковать. Живо представилось, с какими глазами меня встретит Мередит, если я явлюсь домой без Джозефин.

Я вынула из сумочки телефон, вновь проверила оповещения, на случай, если она мне написала или позвонила.

Да где ж ее черти носят? Уж лучше б она не уходила.

Время близилось к часу ночи, и я чувствовала, что пора домой. С миссис Кинг я так и не встретилась, она мне даже не попалась на глаза. Несмотря на то, что в последнее время я проводила в этом доме почти каждый день, я оказалась в полной растерянности среди такого количества незнакомых людей.

Ридер сказал, что не видел Джо, и я направилась к двери, ведущей на задний дворик. Подхватив третий бокал шампанского, я распахнула дверь и вышла наружу. На просторном газоне сидело полно влюбленных парочек, на деревьях висели гирлянды. Я полюбовалась на эту красоту, пока не услышала пронзительный возглас Белл Гардинер:

– Мэг Спринг! Как ты здесь оказалась?

Когда я повернулась, она мне так радостно улыбнулась, что на миг я даже поверила, будто мы с ней – подруги. Однако по улыбке пробежала легкая, едва заметная тень, и я напомнила себе, что это совершенно не так. Впрочем, у меня не было причин плохо к ней относиться, а у нее не было причин смотреть на меня так, словно я вторглась непрошеной гостьей на ее торжество. В особняк набилось не меньше двух сотен людей, и я готова была поспорить, что большинство из них понятия не имели, по какому поводу вечеринка.

– Меня пригласили. – Я сдержанно улыбнулась.

Ни за что не покажу ей, что мне до сих пор тошно находиться с ней рядом.

Ее голубые глаза блестели в ослепительном свете люстры. Платье свободно ниспадало с худеньких плеч, поддерживаемое узкой сатиновой лямкой. На спине зиял глубокий вырез, выставив на всеобщее обозрение нежную, бархатистую кожу. Ей даже не приходилось носить лифчик. Вот зараза.

– Ой, правда? – Она ненадолго умолкла и смерила меня взглядом. – Как здорово.

Я взглянула на женщину, которая стояла рядом с ней, предположив, что это ее мать. У нее были такие же темные волосы и голубые глаза, как у Белл.

– Поздравляю с помолвкой, – проговорила я.

Во взгляде Белл появилась жалость.

– Представляю, как тебе сейчас тяжело.

Я оглянулась и заметила, что все окружавшие нас люди замолчали. Они не сводили с нас глаз, словно мы вдруг попали в последнюю серию «Сплетниц».

Белл опустила взгляд на кольцо, а я лихорадочно пыталась найти какие-нибудь слова. С чего мне вдруг должно быть тяжело? На следующей неделе из Уэст-Пойнта вернется Джон. Это еще надо посмотреть, какой послужной список у ее женишка.

Я решила вести себя как взрослый уравновешенный человек и не опускаться до плевков в лицо. Больше всего на свете мне не нравилось появляться перед людьми в невыгодном свете, а Белл Гардинер как раз пыталась устроить все так, чтобы я жалко смотрелась на ее фоне, с этим ее дурацким зеленым платьем и здоровенным изумрудом на обручальном кольце.

– Я рада за тебя, Белл, очень рада.

И отвернулась, собираясь с достоинством удалиться, как вдруг увидела Шайю. Он направлялся прямиком к нам.

Нет-нет-нет, только не это, мысленно взмолилась я. Пальцы невольно сжались в кулак, мне не хотелось связываться с этой парочкой. Ни теперь, ни когда-либо в будущем.

– Шайа, дорогой! – Белл помахала в воздухе ручкой, и я остановилась, чтобы придумать остроумный ответ, если кому-то из них вздумается мне надерзить.

Где, вообще, этот ее женишок? Если он любит ее настолько, что покупает такие дорогие кольца, что же не стоит рядом с ней на их же собственной и такой

роскошной помолвке?

Я, как могла, пыталась не встретиться взглядом с Шайей, который был совсем уже близко, и не смогла. Ненавижу, что меня к нему постоянно притягивает, даже если мы долго не виделись. Никогда бы не подумала, что увижу его в таком наряде. Черные брюки, черная рубашка на пуговицах, великолепно подобранная в тон черному блейзеру. До этого дня он представал передо мной лишь в футболках и джинсах.

Я попыталась отвести взгляд от его зеленых глаз, но не нашла в себе сил.

– Смотри, кто пришел нас поздравить, – проговорила Белл Гардинер. До меня не сразу дошел смысл ее слов. Потянувшись к руке Шайи, она привлекла его к себе. Он поцеловал ее в макушку.

Ноги у меня стали как ватные. Ни одной связной мысли в голове. Я лишь молча смотрела, как Белл обхватила пальцами пальцы Шайи.

На них блеснуло кольцо.

Что за дурацкая шутка?

Белл Гардинер и Шайа Кинг вместе?

Как?

Почему?

Шайа холодно воззрился на меня.

– Спасибо, что пришла, Маргарет.

Маргарет? С каких пор я вдруг стала для него Маргарет?

В памяти всплыло смутное воспоминание. Видимо, в Маргарет я превратилась тогда, когда он ждал меня в аэропорту, а я так и не появилась. Вот тогда,

должно быть, я и стала для него просто знакомой.

– А-а, мелочи, – пробормотала я. Слова царапнули горло, как стеклянный осколок.

У меня не укладывалось в голове, что я живу в мире, где Белл Гардинер и Шайа Кинг решили пожениться, что они счастливы и это – вечеринка в их честь. Я даже не знала, что они до сих пор общаются.

Сколько часов я провела в доме миссис Кинг, в магазине, в ее загородном клубе, и она ни разу не упомянула о том, что Шайа встречается с Белл. И что Белл с Шайей – пара. И о вечеринке. Ни разу. Она вообще редко упоминала о сыне – в основном рассказывала о дочерях, которые вызывали у нее исключительно гордость. Они обе окончили юридический колледж и последовали по стопам мистера Кинга, выдающегося специалиста и богатейшего из адвокатов во всем штате Луизиана.

– Роскошная вечеринка, правда? – сказала Белл.

Я знала, что она обращается ко мне. Я опасалась, что не найду в себе сил поднять на нее глаза и выдержать ее взгляд, и напомнила себе о любимом напутствии Мередит: «Никому и никогда не позволяйте сбить вас с толку, девочки. Не позволяйте выбить у вас почву из-под ног, а если кто-то на это решится, то дайте достойный отпор». Она так часто повторяла эти слова нам, четырем своим дочкам, что к десяти годам я это твердо зарубила себе на носу. Мередит как-то обмолвилась, что прочла это в книге, когда носила меня в своем чреве.

Я подняла взгляд на Белл Гардинер с Шайей. Растянув губы в улыбке и уповая на то, что помада не размазалась, я проговорила:

– Да, просто отлично. Спасибо, что пригласили. Я где-то потеряла Джо. Пойду поищу ее, а вам желаю приятного вечера.

И, не дав им и глазом моргнуть, я развернулась и, уверенно покачивая бедрами, скрылась в толпе.

Глаза жгло от слез. Джо стояла, облокотившись о стену, и пила шампанское.

– Тебе еще рано пить. Мередит меня убьет, – проворчала я.

Джо повела большими карими глазами.

– А мы ей не скажем. Ну что, пошли?

У нее раскраснелись щеки, мне не терпелось выложить ей все про Шайю и Белл, но для этого потребовалась бы минутка наедине, а может, и полчаса.

– Ты когда-нибудь раньше пила? – Я схватила бокал шампанского со столика и, осушив его залпом, потянулась к следующему.

– Да. Однажды. Мы с Бэт залезли в папины заначки, когда жили в Форт-Худе. – Она улыбнулась. – Наутро нам было так мерзко.

В голове возникло смутное воспоминание о том, как Джо склонилась над унитазом, а Бэт придерживает ее длинные волосы.

– Невероятно. Бэт, ну надо же, именно Бэт. – Я криво усмехнулась.

– Ты выяснила наконец, кто жених у Белл Гардинер? Я пока ничего не узнала. Похоже, все пришли сюда напиться на халяву и налопаться тарталеток, и плевать им на эту воображалу.

Пузыри шампанского щекотно лопались во рту.

– Не знаю, – соврала я. – Но ты права, здесь никто не любит Белл Гардинер.

Столько раз мне хотелось посвятить Джо в свои тайны, чтобы она повзрослела быстрее, чем на то рассчитывали наши родители. Мередит – молодец, учила нас быть сильными и способными на большие дела, но она упустила одно: не сказала, каково это – быть подростком по-настоящему. Она как-то заявила, что ей самой пришлось слишком быстро повзрослеть и такой участи она нам не желает. Отчасти такая позиция мне понятна, но Джо, скорее всего, ни разу не целовалась, подумала я. К ее годам на моем счету было уже три парня, и я не

чувствовала, что кому-то что-то должна объяснять – ни тогда, ни сейчас.

– Мне надо в туалет. А потом, может, уйдем отсюда? – Я втянула в себя остатки жидкости в бокале, уже потеряв счет выпитому. Боль в груди притупилась, но я все равно возвращалась мыслями к Шайе с Белл. Это не укладывалось в голове. У них же не было ничего общего! И если он без конца путешествовал, то как они вообще поддерживали отношения, да еще настолько крепкие, чтобы жениться? Сколько они уже вместе? Я не имела ни малейшего представления. Ведь я неотрывно следила за его жизнью – ну или мне так казалось. Так что либо я полный профан в киберслежке, либо Белл Гардинер настолько безразлична Шайе Кингу, что он ни разу не счел нужным обмолвиться о ней в сети.

Глава 11

Я легко ориентировалась в доме Кингов и, уверенно поднявшись на второй этаж, пошла в сторону ванной, присоединенной к комнате старшей дочери миссис Кинг – Инессы. Я подумала: а приехала ли она на такое торжественное мероприятие? Я ее в тот вечер не видела, но было бы странно, если бы сестра не почтила брата своим присутствием в столь важный и памятный день. В туалете я ненадолго остановилась у зеркала, а потом, стянув с себя утягивающее белье, пописала.

На выходе мне послышались мужские голоса. Кто-то приглушенно, но с отчаянной злостью спорил. Я остановилась возле картины в тяжелой раме, которую видела много раз. На ней было запечатлено семейство Кингов. Миссис Кинг позировала в платье буйно-красного цвета, у ее ног сидел маленький Шайа с плюшевым мишкой в руках, с круглыми детскими щечками и пышной шевелюрой – голова увита кудрявыми локонами.

Каждый день, проходя по пустым коридорам второго этажа, я видела эту картину. И теперь, прислушиваясь к разговору, доносившемуся из распахнутой двери ближайшей ко мне комнаты, я беспокойно озиралась по сторонам – вдруг кто-нибудь решит пройти мимо. Притаившись за углом, я прислушалась. Коридоры были пусты, внизу слышались приглушенные голоса и слабые отзвуки музыки. Удивительно, но при всем изобилии народа, собравшегося в доме, на втором этаже царила тишина.

У меня свело живот от напряжения. Я всегда думала, что этот особняк чересчур пуст. Шаги отзывались эхом от полированных деревянных полов (миссис Кинг любила при случае упомянуть, что они сохранились здесь с 1860 года) и высокого потолка с подлинной лепниной на кремовых стенах. Миссис Кинг очень гордилась своим домом. Она в подробностях описывала витражи на чердачных окнах, испытывая куда большую гордость, чем в те редкие минуты, когда ей выпадал случай поговорить о единственном сыне с его кругосветными «похождениями».

Мне стало скучно тут стоять, захотелось вернуться и отыскать Джо, хоть она и действовала мне на нервы своими разговорами про этого Лори.

Но едва я сделала шаг, чтобы уйти, как вдруг до меня донесся знакомый голос.

– Ты ничего об этом не знаешь!

Это низким голосом воскликнул Шайа. Я двинулась вперед, осторожно переставляя ноги.

– Не знаю? – Раскатистый бас разнесся по гулкому коридору. Какой-то предмет упал на пол и со звоном разбился.

– Ты ничего не смыслишь, сопляк! Думаешь, накормил одну вшивую деревушку и теперь знаешь о жизни всё? Детские забавы. Хорошенькое…

Голос вдруг оборвался, и миссис Кинг вставила что-то неразборчивое.

Мне никогда не приходилось встречаться с мистером Кингом в его доме. Я лишь раз услышала его голос, когда он позвонил по домашнему телефону, чтобы поговорить с женой. Такого зычного баса я никогда прежде не слыхала.

– Ну что, счастлив? Ты ясно выразился. Ты не считаешь меня членом семьи! – воскликнул Шайа.

Мне вдруг захотелось узнать, там ли сейчас Белл Гардинер. Меня тянуло в те места, где разворачиваются скандалы, ничего с этим не могла поделать. Частенько я специально оказывалась в гуще событий, однако в ту ночь, честное

слово, ничего подобного не замышляла. У меня были свои дела: я пошла в туалет, мне хотелось поскорее забыть о существовании Белл, и лишь по воле случая я оказалась в том месте, где происходил этот спор.

Странно, но, слушая, как мистер Кинг ругает своего сына, я не испытала приятного возбуждения. Я почувствовала, как поднялись волоски у меня на руках. Спина непроизвольно выпрямилась.

– Ты не заслуживаешь привилегии быть частью этой семьи! – не унимался мистер Кинг. – Ты – мой единственный сын, единственный, кто мог бы передать дальше нашу фамилию, и посмотри, во что ты превратился!

Мне показалось, что всхлипнула женщина.

Может, Белл Гардинер? – подумала я и придвинулась чуточку ближе.

Я перевела дух и сделала еще шажочек к двери. Мне никогда раньше не доводилось бывать в этой комнате, но я знала, что здесь находится кабинет мистера Кинга. Как-то раз я проходила мимо, и дверь была приоткрыта, но единственное, что я запомнила, – большой стол в центре комнаты. Теперь, притаившись, я разглядела, что в помещении находятся трое.

Шайа стоял ближе всех к двери спиной ко мне. Напротив него возвышался мистер Кинг, человек, не уступающий ростом Ридеру. Кожа у него была более густого коричневого оттенка, чем у Шайи, и в отличие от сына – темные глаза, но меня все равно поразило их сходство.

Мистер Кинг подошел ближе к Шайи, тот полуобернулся и оказался ко мне в профиль. На лице – неприязненная гримаса, глаза прищурены, на губах – кривая усмешка. Полы рубашки вылезли из-под пояса брюк.

– Давным-давно пора было выкинуть из головы все это ребячество, – заговорил мистер Кинг, снова переходя на крик.

Шайа развернулся к матери и взглянул теперь на нее.

– Ребячество? – Он ущипнул себя за переносицу и принялся нервно вышагивать по ковру. – Я делаю то, во что свято верю! Да ты вообще представляешь, скольким людям я помог? Скольких я накормил, научил читать – и после всего этого ты по-прежнему называешь меня ребенком?

Звонок телефона в повисшей тишине показался пронзительно громким. Он звонил и звонил, пока у мистера Кинга не лопнуло терпение.

– Я должен ответить.

Раздался звук шагов, отразившихся эхом в коридоре – этот звук прошел сквозь меня.

– Кто б сомневался, – бросил Шайа, но отец никак не отреагировал.

У меня все сжалось в груди, и мне вспомнилась наша с Шайей первая встреча. Мы как раз только переехали в Луизиану из центра Техаса, и я прогуливалась в одиночестве по Французскому кварталу. Сестренки с тетей Ханной зашли в кафе, чтобы поесть замороженного йогурта, а мне захотелось немного побродить одной. Я еще никогда не бывала во Французском квартале, и когда стало ясно, что нас переводят в Луизиану, это место меня интересовало больше всего.

После всего, что случилось в десятом классе, мне хотелось уехать из Техаса. И когда отец, не зная, как мы воспримем эту новость, усадил нас и сообщил о переезде, я обрадовалась. Мне хотелось поскорее сбежать от придурков, которые без конца надо мной издевались. Джо закатила истерику, Бэт улыбнулась, а Эми было без разницы.

В то лето я придумала себя заново. Покрасила волосы в темный каштан, отрезала челку, научилась накладывать макияж и взяла новый старт.

Я гуляла по мощеным улочкам под палящими лучами солнца. Плечи у меня обгорели минут за двадцать. Я двигалась без какой-либо цели и направления, просто желая осмотреться. На улице Декатур приятно пахло выпечкой, и ноги привели меня к кондитерской, где продавалось креольское пралине.

Дом, в котором размещалась кондитерская, оказался на редкость красив: элегантный фасад в духе Нового Орлеана, на окнах – кружевная окантовка из резных медных пластин. Пройти мимо и не заглянуть было попросту невозможно. От вкусного запаха у меня потекли слюнки. Мне было очень жарко. Как выяснилось, я была не единственным человеком, кто оказался на улице в такой день. В просторном зале столпилась очередь, и я пристроилась к ней, оказавшись примерно двадцатой по счету. Кондиционер, включенный на полную мощность, громко гудел под потолком.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Военная академия Сухопутных войск. Расположена в одноименном городе к северу от Нью-Йорка.

2

Находится в штате Северная Каролина; военная база, штаб и место расположения учебного центра войск специального назначения. Форт основан в 1918 г. и назван в честь генерала Б. Брэгга.

3

Так прозвали Новый Орлеан за любовь к развлечениям и бесконечным праздникам.

Купить: https://tellnovel.com/ru/anna-todd/sestry-spring

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить